

Transition

Апрель — июнь 2004 г. • Номер 2 (2004)

<http://www.worldbank.org/html/prddr/trans/russian.htm>
<http://www.cefir.ru/transition.html>

Нормальная страна

Andrei Shleifer, Daniel Treisman

В 1990-х гг. Россия пережила поразительную политическую трансформацию, превратившись из коммунистической диктатуры в многопартийную демократию с регулярными выборами. На смену плановой экономике пришел капиталистический уклад, основанный на рынках и частной собственности. Такое преобразование России, по-видимому, следует только приветствовать. Однако, как считают многие, в начале нового столетия выяснилось, что праздновать особенно нечего. В Соединенных Штатах превалировало мнение о том, что Россия потерпела неудачу, и что 1990-е гг. были десятилетием катастрофы для ее народа. На чем основываются эти мрачные взгляды на преобразование России? Действительно ли экономика России пережила в 1990-е гг. катастрофический спад? Была ли ее политическая система действительно недемократичной, СМИ — несвободными и коррупция — широко распространенной?

"Обвал" производства

В начале переходного периода Россия была страной со средним уровнем доходов. По данным ООН, ВВП на душу населения

в России в 1989 г. составлял 8,210 долл. США. По этому показателю Россия находилась впереди Мексики и Бразилии, но на 30—50% отставала от наиболее бедных стран Западной Европы, таких как Португалия, Греция и Испания. В 1989 г. ВВП на душу населения в России составлял одну треть от уровня США. Хотя Россия ни в коем случае не была бедной страной, в начале переходного периода она сильно отставала от промышленно развитых стран.

То, что производство в России катастрофически упало в 1990-е гг., общепризнанно. По данным Госкомстата, реальное сокращение ВВП на душу населения в России между 1991 г., когда Горбачев ушел с поста руководителя страны, и 2001 г. составило 24%, а за период 1991-1998 гг., до возобновления роста, по официальной статистике, падение ВВП составило 39%.

Продолжение на стр. 18

Тема номера: коррупция

Коррупция и переходная экономика

Г.А. Сатаров

Резкий рост коррупции в переходных странах давно стал трактоваться как естественная и неизбежная закономерность. Однако чаще всего ограничиваются констатацией этого очевидного эмпирического факта, и мало кто задумывается над теоретическим объяснением роста коррупции. Между тем изучение коррупции может способствовать решению двух проблем: ограничению коррупции как таковой и получению знаний, необходимых для совершенствования институциональных изменений в странах с переходной экономикой.

Наиболее распространенное теоретическое толкование сводится к концепции аномии, введенной Э. Дюркгеймом и развитой Р. Мертоном, буквальный смысл которой — отсутствие норм. В применении к обществу это означает его болезненное состояние и ослабление действия социальных норм. В переходные периоды аномию легко описать более подробно. Она будет включать, в частности:

- слабость государственной машины и даже ее разрушение в период революций;
- правовой вакуум, связанный с тем, что старые нормы права утрачивают легитимность, а новые появляются не сразу;
- ослабление сдерживающих начал, связанных с традициями и моралью.

Неудивительно, что все три перечисленных фактора могут приводить к росту коррупции. В этом случае коррупция является одним из следствий и индикаторов некоего хаоса (энтропии). Отсюда, очевидно, должно следовать, что по мере наведения порядка, т. е. введения в действие новых институтов, коррупция будет сама по себе "рассасываться". Все бы ничего, но этот благодушный вывод абсолютно не соответствует эмпирическим данным. Если сегодня в мире насчитывается около 30 стран с переходной экономикой, то после Второй мировой войны переходные потрясения не миновали более четырех десятков. Статистика убийственна: пример успешных экономических преобразований — в подавляющем меньшинстве. Более того, эти успешные случаи часто отличаются от того западного стандарта, которые обычно имеется в виду, когда говорят о модернизации. Наиболее распространенный сценарий — рост коррупции, социальный упадок, политические потрясения и т. п. Различия между Нигерией и Индонезией, к примеру, — только в числе переворотов и предсказуемости рынка коррупционных услуг.

Продолжение на стр. 2

Содержание

Тема номера: Коррупция

Коррупция и переходная экономика	2
Осторожно: коррупция	4
Коррупция и посреднические фирмы	6
Глобальное шестие "эронита": как непрозрачные внутренние сделки подрывают финансовые рынки в мире	8
Коррупция в системе образования	11
Бюрократизм и коррупция	12
Экономический практикум	
Административный ресурс: проблемы, проявления и стратегии мониторинга	14
Новое в экономической науке	
Нормальная страна	18
О "загадке" национальных счетов России	21
Оценка последствий налоговой реформы в России	23
Форум для дискуссии	
Киотский протокол: взгляд сторонника ратификации	25
Новые публикации	28
Календарь событий	31

продолжение статьи Г.А. Сатарова "Коррупция и переходная экономика" со стр. 1

Второе объяснение роста коррупции при переходном периоде тесно связано с первым. Коррупция часто трактуется как сигнал о дисфункциях социального порядка, таким образом, ее наличие сигнализирует о неэффективности управления (подробно этот подход обсуждается в книге "Антикоррупционная политика", ИНДЕМ, 2004). Ясно, что аномия поражает органы управления, снижает их эффективность, что и проявляется в росте коррупции.

Третье более или менее теоретическое обоснование роста коррупции в переходный период опирается на представление о коррупции как инструменте переходной экономики. В соответствии с этой концепцией считается, что на начальных фазах переходного периода коррупция выполняет роль своеобразной "смазки", позволяющей преодолевать сопротивление экономическим преобразованиям со стороны старой и неэффективной бюрократической машины (возможно, первое развернутое обоснование этой точки зрения содержится в работе J.S. Nye "Corruption and Political Development: a Cost Benefit analysis", 1967). С этой точкой зрения резко полемизировал Сеид Алатац (S.H. Alatas, "The problem of corruption", 1986). Он справедливо отмечал, что сторонники анализа позитивных эффектов коррупции вводят людей в заблуждение, поскольку рассматривают только частные проявления этого явления.

Действительно, во-первых, коррупция системна. Ее различные формы и проявления взаимосвязаны. Глядя сквозь пальцы на некоторую форму коррупции, приписывая ей позитивное влияние на достижение модернизационных целей, мы тем самым поощряем рост других форм коррупции. Негативный эффект от них неизбежно и многократно превысит ожидаемый позитивный эффект от коррупции. Во-вторых, крайне трудно разделить вредные и полезные проявления коррупции и установить между ними некую границу, тем более что любое установление такой границы заблокирует борьбу с коррупцией в целом.

В качестве иллюстрации можно воспользоваться примером, приведенным в только что цитированной работе Алатаца. Он рассказывает, что создание банковской системы в Индонезии в конце 40-х гг. XX в. сопровождалось появлением стандартных для этой сферы форм рутинной коррупции. Банковские служащие брали взятки за предоставление кредитов. (Тут самое время предположить, что коррупция этого вида облегчала переток средств в новые сферы предпринимательской активности, и воздать хвалу этому виду коррупции.) Спустя двадцать лет директора более чем пятнадцати банков были уличены в создании банковского пула, предназначенного для извлечения незаконных доходов, основанных на коррупционных связях. Коррупция стала сетевой, масштабной, а ущерб, наносимый ей, резко возрос.

Вердикт, который легко вынести в данной тяжбе между Наем и Алатасом, очевиден. Как правило, рост коррупции в переходных и развивающихся странах неконтролируем, тесно связан с неэффективным управлением и богат многочисленными негативными последствиями.

Западные эксперты, уставшие от многочисленных провалов модернизационных проектов, склонны в более или менее явной форме объяснять сей факт неадекватностью социумов, подвергающихся модернизации. Однако такое объяснение не может быть названо даже наивным. Наом Хомски не единственный, кто сравнивает разные подходы к модернизации ("Неолиберализм и глобальный порядок", в книге Н. Хомски "Прибыль на людях", 2002).

Он сравнивает Японию, Корею, Тайвань, которые осуществляли модернизацию, не придерживаясь модели "вашингтонского консенсуса", и, к примеру, Индию и страны Латинской Америки, которые следовали стандартным западным рецептам. (Термин "вашингтонский консенсус" обозначает стратегию США и их ближайших западных партнеров по осуществлению экономических преобразований в развивающихся странах, которые должны включать финансовую стабилизацию, масштабную приватизацию, либерализацию цен и торговли.) Разница в результатах разительна, и она не в пользу стандартной модели. О том же рассуждает и Валентина Федотова, рассматривая различия между стандартной догоняющей модернизацией и модернизацией "без потери идентичности" ("Модернизация и глобализация", в книге "Этюды по социальной инженерии: От утопии к реальности", 2002).

Дэвид Старк диагностирует ту же проблему следующим образом:

"Наиболее распространенные представления о постсоциалистическом "переходе" как о замещении одного набора экономических институтов другим, уже доказавшим свою эффективность, страдают теми же проблемами краткосрочной рациональности, которых пытались избежать индейцы на скапи. Придерживаясь варианта политики "охотиться завтра там, где нашел дичь сегодня", нелиберальные советчики рекомендуют принять в высшей степени стилизованную версию институтов цен и собственности, которые "хорошо работали на Западе". По их утверждениям, экономическая эффективность будет максимизирована только в случае стремительной и всеобъемлющей приватизации и тотального перехода к рыночным отношениям. [...] Поиск эффективных институтов и организационных форм только "в месте охоты, хорошо известном на Западе" и характеризуемом испытанными и оправдавшими себя схемами, замыкает социалистические экономики и вынуждает их использовать уже известную территорию — ценой

забвения (или же отказа от освоения) навыков нахождения новых решений" ("Гетерархия: неоднозначность активов и организация разнообразия в постсоциалистических странах", в книге "Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу", 2002).

Старк указывает на то, что западные страны пришли к нынешнему эффективному состоянию, характеризующему, кстати, разнообразием реализованных моделей, в результате многочисленных проб разнообразных траекторий. Они "выращивали" свои институты и свою эффективность. Третьим странам же они предлагают внедрять (*имплантировать*, по выражению В.М. Полтеровича) некоторую упрощенную унифицированную модель. Я бы сказал, что они напоминают атлета, который предлагает новичку не тренироваться, проходя его путь к рекордам и славе, а просто перекладывает работу своих мышц в момент прыжка (или подъема штанги) и предлагает повторить то же самое.

Диагноз Старка не дает ответа на вопрос о том, что же происходит при внедрении примитивной модели "вашингтонского консенсуса", и как из этого возникает растущая коррупция. Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, следует к словам Старка добавить следующее. Трансплантация западных институтов осуществляется последние десятилетия в рамках новой формы международного бизнеса по экспорту институтов. Созданы специальные международные организации вроде МВФ или МБРР, которые активно ведут этот бизнес за кредиты, предоставляемые третьим странам. Кредитная кабала растет, а за то, что институты не прививаются на новой почве, никто не несет ответственности.

Возникает ощущение, что социальная среда сопротивляется непродуктивным попыткам уменьшения разнообразия посредством внедрения унифицированных модернизационных моделей. Это сопротивление можно считать оправданным, если не забывать, что разнообразие — необходимое условие выживания, адаптации и развития. Однако оно же порождает множество негативных эффектов, в числе которых — коррупция и разложение политических режимов. В чем же причина?

Есть основания предполагать, что трансплантация институтов основана на некоторых соображениях институциональной экономики. Например, Дуглас Норт, сопоставляя неформальные практики и формальные нормы, подчиняет первые вторым и полагает, что введение новых институтов видоизменяет неформальные практики в соответствии с новыми нормами. Конечно, Норт признает инерционность неформальных практик и ограничений, но считает направление их изменений очевидным. Одновременно Норт признает: "Осуществление контроля третьей стороной означает развитие государства как принудительной силы, способной эффективно осуществлять надзор за правами собственности и обеспечивать соблюдение контрактов. Но на нынешнем уровне знаний нам неизвестно, как создать такое государство" (Д. Норт, "Институты, институциональные изменения и функционирование экономики", 1997).

Этот комплекс представлений допускает следующую переформулировку: "Мы, честные, некоррупцированные, эффективные, счастливые, являемся таковыми в силу наших институтов. Мы искренне хотим, чтобы другие страны стали такими же честными, некоррупцированными, эффективными

Выкопали себе яму

"Мы слишком много говорили об уничтожении всех проявлений коррупции в общественной жизни. Теперь ни одна политическая партия не хочет управлять страной вместе с нами".

Из журнала Носиро (Венгрия)

и счастливыми. Для этого необходимо и достаточно пересадить наши институты этим другим. (Другого способа мы все равно не знаем)". Эта идеология транзита основана на представлении о неформальных практиках как пассивной вязкой среде. В нее надо опустить зародыш кристалла, и с течением времени эта вязкая среда кристаллизуется вокруг зародыша.

Практика показывает, что это представление совершенно не соответствует действительности. Проблема в том, что формальные институциональные изменения приводят к двум эффектам. Первый — старые неформальные нормы и практики *агрессивно сопротивляются* внедрению новых формальных норм, искажают последние в процессе их применения и приспособляют к своим нуждам. Второй — появляются новые неформальные нормы и практики, которые помогают первому эффекту: сопротивлению внедряемым новым формальным нормам и институтам. Таким образом, старые неформальные нормы и практики не пассивно ждут благотворного воздействия новых институтов, а, напротив, активно сопротивляются последним. Именно в зазор между новыми формальными нормами и старыми неформальными нормами и практиками внедряется коррупция как инструмент указанного вышесопротивления. Чем масштабнее институциональные перемены и, следовательно, чем больше зазор между "старым" и "новым", тем больше простор для роста новых форм коррупции. Именно здесь лежит объяснение неэффективности модернизаций, основанных на трансплантации институтов. Простой российский

пример: институт банкротств используется у нас в стране не для санации неуспешных предприятий, а для незаконного захвата успешных.

Однако перенос институтов — задача важная, и ей нет альтернативы. Отказываться от этого — то же самое, что игнорировать развитие технологий. Значит трансплантировать новые институциональные органы на старую социальную ткань надо так, чтобы не проявлялся эффект отторжения чужеродной ткани. Для этого нужно решать следующие задачи:

- изучение неформальных норм и практик;
- изучение механизмов отторжения новых институтов;
- адаптация трансплантируемых институтов с учетом знаний о механизмах их отторжения;
- разработка и внедрение методов воздействия на неформальные нормы и практики в дополнение к трансплантации новых институтов.

Поскольку коррупция несет непосредственную информацию о процессах отторжения новых институтов, ее изучение может способствовать решению двух проблем: ограничение коррупции как таковой и получение знаний, необходимых для совершенствования трансплантации институтов. Есть основание утверждать, что потребности модернизации и глобализации создадут новый спрос на социологическое знание нового качества.

Георгий Сатаров — президент Фонда ИНДЕМ в г. Москве

Осторожно: коррупция

Vito Tanzi

Тема коррупции не всегда привлекала заслуживающее внимание, особенно со стороны экономистов. Еще десять лет назад можно было назвать лишь несколько работ по этой теме, в основном теоретических, несмотря на то что сам феномен коррупции, безусловно, существовал и, возможно, имел значительные масштабы. Однако в последние годы коррупция привлекает все более пристальное внимание журналистов, политологов, экономистов, политиков и международных организаций.

Изменение отношения к теме коррупции намечилось в начале 1990-х гг., когда скандалы, связанные с коррупцией, привели к падению правительств в таких странах, как Италия, Япония и Бразилия, и спровоцировали политические кризисы в других странах. Дальнейшим стимулом к разработке темы явилось развитие событий в так называемых странах с переходной экономикой, где переход от централизованного планирования к рыночной экономике создал условия для злоупотреблений (во всяком случае, они рассматривались как таковые), особенно при приватизации активов государственных предприятий.

Обсуждение темы коррупции неизменно осложняется тем, что она не поддается точному описанию и измерению. Но, как и в большинстве случаев, коррупцию может быть и трудно определить или измерить, но мы всегда ее распознаем, если сталкиваемся с ней. Существует много определений коррупции, каждая из которых по-своему полезна, но в которых неизменно отсутствует тот или иной важный элемент. Наиболее распространенное определение коррупции как использования государственной власти в личных целях

ограничивает коррупцию кругом лиц в государственном секторе. Однако разразившиеся в последнее время скандалы, связанные с бухгалтерскими махинациями на частных предприятиях в Соединенных Штатах и других странах, говорят о том, что коррупция может существовать и в частном секторе, особенно на крупных предприятиях, где владельцы удалены от управления, а сама собственность растворена среди тысяч акционеров. Недавние события в таких компаниях, как "Энрон" и "Пармалат", дают представление о масштабах коррупции в частном секторе рыночной экономики и возможности использования служебного положения руководителями, финансовыми директорами и другими высокопоставленными управленцами для личного обогащения.

Коррупция не поддается измерению. Во-первых, неочевиден сам объект измерения. Следует ли измерять количество коррупционных действий, суммы выплаченных взяток, количество вовлеченных в нее людей или подобные переменные величины? Допустим, что количество денег, выплаченных в качестве взяток в двух странах, одинаково, но в одной стране взятки были крупнее, чем в другой. Можно ли сказать, какая из этих стран более подвержена коррупции? Что если коррупция принимает форму обмена услугами безо всяких взяток? Очевидно, что использование показателя взяточничества в качестве барометра для измерения уровня коррупции может привести к неправильному выводу об отсутствии коррупции в той или иной стране.

Если коррупция не поддается количественному измерению (количество взяток, вовлеченных лиц, выплаченные суммы), можно измерить восприятие коррупции. Самая известная организа-

ция, которая занимается этим ежегодно и систематически, включая в исследования большое количество стран, — это Transparency International со штаб-квартирой в Берлине. Начиная с 1995 г. Transparency International публикует так называемый "индекс оценки коррупции" (corruption perceptions index, или CPI). Количество охваченных стран с каждым годом растет. Например, в 2003 г. индекс был определен для 133 стран.

Страны оцениваются по 10-балльной шкале от нуля до десяти, в соответствии с которой десять баллов получает страна, где предположительно нет коррупции, а ноль баллов — страна, в которой ни одна сделка не обходится без элементов коррупции. Очевидно, что ни одна страна не может получить десять или ноль баллов. Очаги коррупции могут существовать в "чистых" странах, как очаги честности — в "грязных" странах. В самом последнем исследовании за 2003 г. наивысший балл был присужден Финляндии (9,3), а самый низкий — Бангладеш (1,3). Разумеется, различия между странами огромны.

CPI отражает восприятие степени коррупции бизнесменами, специалистами по оценкам рисков и учеными. Данные получают в ходе опросов, в которых респондентам задается вопрос, сталкивались ли они сами и известны ли им про коррупционные действия. Следует подчеркнуть, что в ходе опросов измеряется именно восприятие, которое может и не соответствовать действительности. Степень соответствия восприятия действительности неясна. Неясно также, насколько эти показатели могут служить основанием для сравнения различных стран. Так, например, страна, где отдельный громкий скандал, связанный с коррупцией, привлек внимание СМИ как раз в момент проведения опроса, может получить более низкий балл, чем она заслуживает. Напротив, страна, которая в прошлом всегда была "чистой", но становится более коррумпированной, может в течение определенного времени сохранять прежнюю репутацию. Тем не менее CPI дает результаты, достойные осмысления. Они уже использовались в эмпирических работах, ставивших целью оценить соотношение коррупции с различными экономическими переменными.

Как и следовало ожидать, самые высокие баллы получают развитые страны — члены ОЭСР. Самые низкие баллы — развивающиеся страны и страны с переходной экономикой. В десятку стран с наивысшими баллами — от 8,8 и выше — входят 7 европейских стран, а также Новая Зеландия, Сингапур и Австралия. Во вторую десятку входят 6 стран Европы, Канада, Гонконг, Соединенные Штаты и Чили, которые набрали от 7,4 балла. Соединенные Штаты находятся на 19-м месте (7,5 балла), за ними следует Чили (7,4 балла). Среди первой двадцатки следует отметить три страны, а именно: Сингапур (5-е место), Гонконг (14-е место) и Чили (20-е место), которые за последние годы достигли значительного прогресса в улучшении качества государственных институтов.

Сингапур и Гонконг заслуживают внимания, в частности, потому, что в прошлом они отнюдь не были свободны от коррупции, но сумели в течение жизни одного поколения значительно улучшить ситуацию путем создания политически независимых антикоррупционных комиссий с четкими задачами, широкими полномочиями и большими бюджетами. Создание таких комиссий, а также отмена многих мелких регулирующих актов и норм и увеличение прозрачности действующих законов позволили этим странам перейти из разряда относительно коррумпированных в разряд относительно чистых. Чили присвоен самый высокий балл из всех развивающихся стран. В стране сокращено количество регулирующих норм и достигнута значительная степень транспарентности.

Следует, пожалуй, добавить, что большинство из вышеупомянутых стран имеют этнически относительно однородное население.

Кстати, показатель России не очень высок — 2,7, при котором страна занимает 86-е место наравне с Мозамбиком. Несомненно, коррупция остается значительной проблемой в России.

Закрывают таблицу 12 стран с индексом CPI ниже двух баллов. Сюда входят 4 африканские страны (Кения, Ангола, Камерун и Нигерия), 3 азиатские (Индонезия, Мьянмар, Бангладеш), 3 бывшие республики Советского Союза (Азербайджан, Грузия, Таджикистан) и 2 страны Латинской Америки (Парагвай и Гаити). Таким образом, в этой группе представлены многие части света.

Обнаруживается высокая степень корреляции между доходом на душу населения и индексом восприятия коррупции. Чем выше доход на душу населения, тем выше балл CPI. По мере экономического развития, страны совершенствуют свои институты и управление. Однако корреляция не является полной. Большое значение могут иметь действия и политика правительства, что прослеживается на примере Сингапура и Гонконга. Некоторые исследователи обращают внимание на связь между наличием в стране большого количества природных ресурсов и коррупцией. Страны, богатые природными ресурсами, получают, как правило, более низкие баллы CPI, чем можно было бы ожидать на основании дохода на душу населения. Примером тому — такие страны, как Нигерия, Камерун, Ливия, Венесуэла и некоторые другие, обладающие большими запасами нефти.

Обнаруживается определенное соответствие между размером страны и баллом CPI. Страны с большим населением как правило имеют более низкие баллы, чем страны с малым населением. Из стран с большим населением только Германия и Соединенные Штаты попадают в первые 50 стран таблицы. Возможно, это связано с тем, что крупные страны имеют этнически менее однородное население. Однако зависимость между размером страны и CPI не является столь явной.

В 2003 г. Transparency International провела опрос в 48 странах, предложив респондентам назвать государственные учреждения, которые больше всего нуждаются в реформировании, поскольку они нетранспарентны и коррумпированы. В ответах чаще всего назывались политические партии, суды и полиция. Если политические партии заражены коррупцией, от этого неизменно страдает демократия. К сожалению, многие коррупционные скандалы связаны как раз с поведением политических партий, как например, в Италии, где они привели к полной смене политического руководства. В связи с этим возникает принципиальный вопрос: каким образом должно осуществляться финансирование политических партий? Процесс финансирования политических партий может приводить к коррупции, которая впоследствии захватывает политических деятелей и распространяется на все правительство.

Хотя поведение политических партий, безусловно, важно для демократического развития общества, действия судов и полиции важны как для демократии, так и успешного функционирования экономики. В экономической литературе давно отмечается важность охраны прав собственности и соблюдения контрактов для экономического роста. Принципиальную роль государства в этой области признавали, по крайней мере, со времен опубликования "Богатства народов" Адама Смита в 1776 г. Коррумпированные судебная система и полиция превращаются в балласт на "теле" экономики. В долгосрочной перспективе нормальная деятельность правоохранительных институтов — один из факторов, способствующих ускорению экономического роста.

Вито Танци — старший консультант, Inter-American Development Bank, Вашингтон (США).

Коррупция и посреднические фирмы

Л.И. Полищук

Коррупция возникает на границе между государственным и частным секторами экономики, где чиновники вступают в контакт с предпринимателями и частными лицами. Нередко в таких контактах участвуют посредники — консультанты или фирмы, предлагающие правовую помощь, "сопровождение" дела в государственных органах, содействие в оформлении налоговых и таможенных платежей, получении регистрационных документов, сертификатов и т. п.

Если посредническая фирма имеет дело с коррумпированной бюрократией, то она может использовать взятки в интересах своих клиентов. Взяточничество быстро распространяется по сектору посреднических услуг — отказ от коррупции приводит к потере клиентуры, которая обращается к менее разборчивым в средствах конкурентам. Надежные оценки масштабов коррупции в сфере посреднических услуг отсутствуют, но материалы опросов предпринимателей (например, И. Олимпиева, О. Панченков, Е. Никифорова, "Средний слой", "Эксперт Северо-Запад", № 4, 2004 г.) и косвенные свидетельства позволяют утверждать, что в России это явление стало повсеместным и поэтому нуждается в анализе и оценке последствий.

Кому выгодны посредники?

Посреднические фирмы возникают в экономике вне зависимости от того, поражена она коррупцией или нет. При всех обстоятельствах эти фирмы, действуя по поручению своих клиентов, используют преимущества специализации и экономии на масштабе и таким образом сокращают издержки частного сектора при общении с государственными органами. Экономия издержек следования официальным процедурам и правилам — для краткости, бюрократических издержек — является важным и безусловно полезным результатом деятельности посреднических фирм.

Коррупция создает дополнительные причины для обращения к посредникам. Прямые переговоры с коррумпированным чиновником о размерах взятки, условиях и порядке платежа и обязательствах сторон осложнены недоверием, отсутствием надежной рыночной информации о "стоимости" предоставляемых услуг, а также подозрением, что условия договоренности будут нарушены. Противозаконность предмета переговоров резко увеличивает транзакционные издержки, которые могут быть радикально снижены обращением к посредникам. Действительно, клиент посреднической фирмы ведет переговоры не о взятке, а о вознаграждении посреднику за официально предоставляемые услуги, которые оплачиваются по установленным рыночным расценкам. Предмет договоренности нередко оформляется документом и дает клиенту гарантии выполнения принятых обязательств. Что касается коррумпированных чиновников, то посреднические фирмы находятся с ними в симбиотических отношениях, создающих атмосферу доверия и доброй воли, и стороны в этом случае без труда договариваются о взаимоприемлемых условиях.

Экономия транзакционных издержек, несмотря на свое нелегитимное происхождение, также полезна, причем не только коррумпированной бюрократии, но и зависящим от нее предпринимателям и частным лицам — не случайно последние часто обра-

щаются к посредникам за помощью по собственной инициативе (хотя нередки и случаи, когда чиновники "намекают" на желательность привлечения посреднических фирм). Казалось бы, если рассматривать коррупцию как неизбежное зло (мы вернемся к этому предположению в конце заметки), то посредники облегчают ее совокупное бремя для частного сектора, которое включает как собственно взятки, так и разного рода затраты и риски, связанные с заключением и выполнением криминальной договоренности.

Защита от разоблачения

На самом деле посредники могут усугублять наносимый коррупцией урон, поскольку предоставляют взяточникам эффективную защиту от угрозы разоблачения. Действительно, эта угроза реальна в той мере, в какой у жертвы вымогательства есть доказательство уплаты взятки. Такие улики могут быть получены только в том случае, когда взятка выплачивается непосредственно, и, разумеется, отсутствуют при действиях через посредников, когда факт взятки можно лишь подозревать, а ее размер остается предметом догадок. Прямыми уликами располагают только посредники, но они, разумеется, не заинтересованы в разоблачении своих "партнеров по бизнесу".

В отличие от экономики бюрократических и транзакционных издержек, от которой, вообще говоря, выигрывают обе стороны, фактор защиты от разоблачения действует асимметрично и благоприятствует одной лишь бюрократии. Более того, дополнительный выигрыш коррупционеров обеспечивается за счет их жертв. В самом деле, взяточник ограничен в выборе размера взятки двумя основными соображениями — во-первых, эластичностью спроса на услугу, предоставление которой обусловлено уплатой взятки, и, во-вторых, риском того, что чрезмерная алчность может заставить пострадавшую сторону искать справедливости, пусть даже с невысокими шансами на успех и ценой немалых затрат времени и сил. В случае, когда из двух названных ограничений — спроса и самосохранения — лимитирующим оказывается второе, то подключение посредников, при котором это ограничение устраняется, позволяет бюрократу поднять взятку до рыночного "оптимума" и тем самым извлечь из частного сектора дополнительный коррупционный доход. Если увеличение взятки перекрывает сокращение бюрократических и транзакционных издержек частного сектора, то итоговая оценка роли посредников, с точки зрения населения и бизнеса, оказывается отрицательной. Важно выяснить, при каких условиях такой исход наиболее вероятен.

Посредники и реформа государства

Наш анализ (см.: L. Polishchuk, "Bureaucrats, Businessmen, and Middlemen: Gainers and Losers", работа была представлена на ежегодной научной конференции РЭШ в Москве 9-11 октября 2003 г.) показывает, что ограничение самосохранения лимитирует размер взятки, если, во-первых, государственная служба достаточно прозрачна и подконтрольна, и, во-вторых, собственно бюрократические издержки (сбор необходимой информации, заполнение документов, предоставление отчетности, прохождение проверок и т. п.) невелики. Роль первого условия достаточно ясна,

тогда как второе не столь очевидно и нуждается в пояснении. Дело в том, что если уже формальное выполнение требований бюрократии весьма обременительно, то выплачиваемая сверх таких затрат взятка перестает быть главной составляющей совокупных издержек. Только достаточно прибыльные проекты могут оправдать преодоление высоких суммарных барьеров доступа к рынку, в которых велика доля легитимных затрат. Получив разрешение бюрократии на ведение прибыльного бизнеса, предприниматель не захочет терять время на попытки вернуть лишь часть первоначальных затрат, которую составляет взятка, и спишет ее в числе прочих издержек. Из приведенных рассуждений следует, что коррумпированная бюрократия ценит громоздкую и запутанную систему официальных требований и правил потому, что последняя не только порождает уязвимость к вымогательствам, но и способствует безнаказанности взяточников.

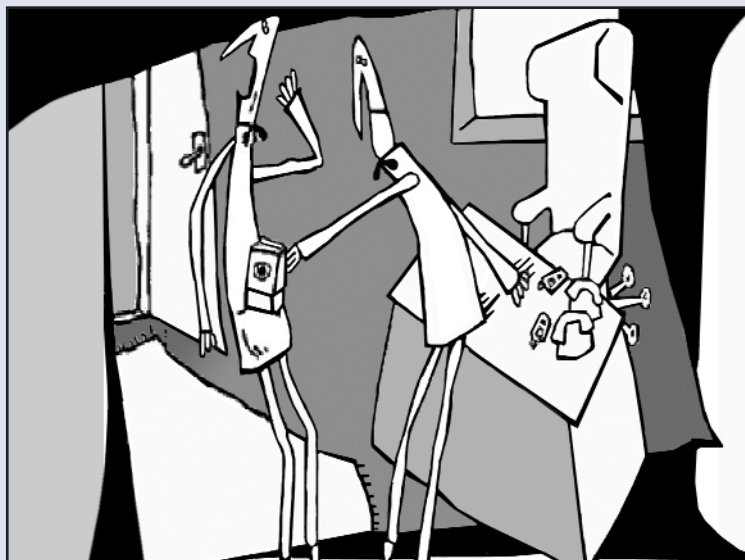
В настоящее время в России осуществляются реформы, направленные на дебиюкратизацию экономики и повышение подконтрольности государственной службы. Из сказанного явствует, что подобные реформы создают условия, при которых ограничение самосохранения препятствует увеличению взяток. Это делает посредничество особенно востребованным коррумпированной бюрократией. Сказанное согласуется с наблюдаемым в последнее время распространением посреднических услуг в России. Более того, поскольку происходящее упрощение процедур и правил снижает бюрократические издержки, возможности их дальнейшего сокращения при обращении к посредникам невелики и, весьма вероятно, не компенсируют ущерб частного сектора от возросших взяток, которые безбоязненно устанавливаются защищенными посредничеством от разоблачения коррупционерами. Поощрение бюрократией посредничества является, таким образом, реакцией на осуществляемые реформы, которая снижает их эффективность.

Принцип "одного окна"

Популярное средство облегчения бюрократического бремени для экономики и общества — введение "одного окна", когда получение разрешений и/или регистрация в нескольких учреждениях требуют подачи единственного заявления с необходимым набором документов, которое потом направляется в необходимые ведомства без прямого участия заявителя. Принцип "одного окна" внедряется в России недавно принятыми законами о дебиюкратизации экономики.

Стандартный довод в пользу "единого окна" — сокращение бюрократических издержек предприятий и частных лиц. У этой идеи есть, однако, еще один важный плюс, если она реализуется в коррумпированной среде. Когда заявитель должен получить разрешение, например, на открытие бизнеса одновременно от нескольких чиновников, представляющих различные ведомства, каждый из вовлеченных чиновников может обусловить свое согласие уплатой взятки. В возникающей при этом "полицентрической" коррупции бюрократы не координируют друг с другом свои решения — известные трудности выполнения картельных соглашений усугубляются в данном случае незаконностью и скрытностью транзакций, являющихся предметом возможной договоренности. С введением "одного окна" бюрократы вынуждены договориться

Честный чиновник

"Мои принципы не позволяют мне принимать деньги из Ваших грязных рук. Переведите их на мой банковский счет".

Из газеты Nepszabadsag (Венгрия)

друг с другом, поскольку взятка может быть получена только один раз и поделена впоследствии между имеющими право вето участниками. Такая координация, как известно, сокращает размер взятки по сравнению с несогласованной полицентрической коррупцией, и от нее выигрывают все — и сами взяточники, чей суммарный выигрыш увеличивается, и частный сектор, за счет уменьшения ставок обложения коррупционными поборами.

Вместе с тем, хотя единая взятка и меньше суммы взяток, выплачиваемых отдельным чиновникам до открытия "единого окна", она, скорее всего, превышает (и намного) каждую из таких взяток в отдельности. Это увеличивает риск разоблачения — жертва вымогательства, которая считала возвращение сравнительно небольшого побора, выплаченного отдельному взяточнику, не стоящим усилий по подаче жалобы, сбору доказательств и т. п., может по-другому относиться к той же идее, если речь идет о возвращении значительной суммы, однократно внесенной в "единое окно". Наш анализ позволяет, таким образом, ожидать появления у "единых окон" посредников, защищающих коррупционеров от возросших рисков.

Посредники и борьба с коррупцией

Усилия по преодолению коррупции эффективны в том случае, когда в них активно участвуют население и бизнес — основные жертвы взяточников и единственные свидетели противозаконных действий бюрократии. Посреднические фирмы затрудняют мобилизацию общества на борьбу с коррупцией, поскольку маскируют ее в виде платы за консультационные услуги. Это снижает остроту восприятия проблемы и создает ощущение приемлемости статус-кво, несмотря на то что объем взяток сохраняется прежним или даже, как явствует из вышесказанного, увеличивается.

Встроенность коррупции в легально действующий и рекламирующий себя сектор экономики заставляет мириться с ней и тех, кто догадывается о действительном положении вещей. В этом слу-

чае у посреднических фирм ищут помощи в решении возникающих с бюрократией проблем. По данным опросов, предприятия и граждане часто обращаются к посредникам по собственной воле, предпочитая их услуги попыткам решить вопрос самостоятельно, ибо издержки такого решения справедливо воспринимаются как непозволительно высокие. В некоррупционной среде тот факт, что к посредникам обращаются за содействием, пренебрегая возможностью обойтись без их помощи, является рыночным свидетельством эффективности и пользы посреднического сектора. В случае с коррупцией этот аргумент неприменим, поскольку коррумпированная бюрократия устанавливает издержки прямого обращения с учетом присутствия на рынке посредников, практикуя де-факто ценовую дискриминацию.

Посредники и измерение коррупции

Посредники маскируют взяточничество, но парадоксальным образом при определенных условиях дают информацию, полезную при оценке коррупционного оборота. Трудности измерения коррупции хорошо известны и лишь отчасти преодолеваются косвенными методами, экспертными оценками и иными паллиативами. Рыночные измерители в таких оценках играют скромную роль. При участии в коррупции посредников дело обстоит иначе. Посреднические фирмы открыто публикуют расценки своих услуг, причем часто конкурируют друг с другом. Это позволяет оценить на основе рыночной же информации легитимные издержки подобных фирм (оплату труда персонала, аренду помещений, официальные пошлины и сборы, рекламу и пр.), а также их прибыль, соот-

ветствующую уровню конкуренции на рынке посреднических услуг, и отнести разность между ценой и издержками в сумме с прибылью на взятки чиновникам. Предлагаемый метод особенно эффективен на высококонкурентных рынках посреднических услуг с относительной свободой доступа, где у посредников нет специфических активов, а значит, и рыночной власти, и их экономическая прибыль в равновесии близка к нулю.

Мимикрия институтов

История переходного периода изобилует примерами использования различных институтов рыночной экономики в целях, далеких от их первоначального назначения. Известно, например, что контракты со страховыми компаниями широко применялись для ухода от налогов, с этими же целями создавались "некоммерческие" организации, а фирмы-"однодневки" открывались для проведения незаконных трансакций. Сектор посреднических фирм также оказался пораженным такой патологической мимикрией. В этом секторе честный консалтинг и добросовестные профессиональные услуги населению и предприятиям соседствуют с пособничеством коррупции, причем последнее может иметь тяжелые последствия для экономики и общества.

Леонид Полищук — ассоциированный директор Центра институциональных реформ и неформального сектора (IRIS) Мэрилендского университета (США) и приглашенный профессор Российской экономической школы, Москва

Глобальное шествие "энронита": как непрозрачные внутренние сделки подрывают финансовые рынки в мире

Shang-Jin Wei, Heather Milkiewicz

В начале 2002 г. корпорация "Энрон" являлась седьмой по величине в Соединенных Штатах. "Глобал кроссинг" работала с одной из крупнейших в мире IP-сетей, охватывавшей пять континентов, более 27 стран и 200 городов. В прошлом году обе они потерпели крах в результате финансовых проблем, созданных "внутренними" сделками нескольких работников корпорации, воспользовавшихся нетранспарентностью бухгалтерских процедур. В результате тысячи работников и акционеров компаний в Соединенных Штатах потеряли накопленные за всю жизнь сбережения и пенсионные льготы. Более того, эти скандалы подорвали цены активов других компаний.

В данной статье мы пытаемся показать, как непрозрачные инсайдерские сделки — назовем этот феномен "энронит" (впервые термин был употреблен Роберто Ригобоном) — нанесли урон финансовым рынкам во всем мире. "Энронит" встречается в различных вариантах, но здесь мы обратим внимание на два аспекта: инсайдерские сделки на рынках ценных бумаг и отсутствие транспарентности в осуществлении экономической политики правительством и корпорациями.

Американские горки — сделки инсайдеров и неустойчивость финансовых рынков

Всем известно, что финансовые рынки неустойчивы. Однако степень волатильности сильно различается от страны к стране. Попробуем использовать в качестве единицы измерения стандартное отклонение от ежемесячного оборота одного из основных рыночных индексов. Мы видим, что волатильность рынка в Италии почти в два раза выше, чем в Соединенных Штатах. Еще выше она, как правило, в развивающихся странах. Так например, на финансовых рынках Китая и России уровень волатильности составляет, соответственно, 350% и 650% по сравнению с рынком Соединенных Штатов. Можно возразить, что без движения на финансовых рынках работа на них была бы лишена всякого интереса, а многие занятые в этом секторе вообще лишились бы работы.

Однако дело в том, что волатильность финансовых рынков лишает участников стимула к накоплению и инвестированию средств. Практически в любой модели типичный участник рынка в условиях неопределенности стремится максимизировать выгоды. Чем более волатилен рынок активов, при одной и той же средней доходности активов, тем меньше участник рынка будет их накап-

ливать и тем меньше инвестировать. Определенная степень волатильности финансовых рынков неизбежна и даже желательна, поскольку колебания цен активов — индикатор изменения стоимости по всему спектру экономической деятельности, и таким образом обеспечивается более эффективное распределение ресурсов. Но именно потому, что цены на финансовых рынках призваны подавать сигналы относительно правильного распределения ресурсов, излишняя волатильность, не связанная с фундаментальными экономическими факторами, уменьшает эту сигнальную функцию и тем самым мешает правильному распределению ресурсов. Вот почему влияние сделок инсайдеров на волатильность финансовых рынков внутри каждой страны важно рассмотреть с точки зрения экономической эффективности.

Внутри или вовне

Во-первых, поскольку сделки инсайдеров по-разному понимаются в разных частях мира, важно остановиться на каком-либо одном определении этого термина. В данной статье он означает "сделки, совершаемые людьми, имеющими доступ к существенной неопубликованной информации", где "существенный" означает "имеющий непосредственное отношение к цене акций или ценных бумаг". В разных странах существуют разные законы, касающиеся сделок инсайдеров, и разная практика правоприменения. Так, например, в Соединенных Штатах сделки инсайдеров рассматриваются как преступление, караемое в том числе тюремным заключением, в то время как в Гонконге они считаются гражданскими правонарушениями, за которые нарушителю грозит всего лишь штраф.

Учитывая эти различия, для сравнения положения в разных странах необходимо принять единую точку отсчета. Для наших целей пусть это будут США. Сегодня, как и в прошлом, в Соединенных Штатах существуют наиболее полный свод законов, направленных против сделок инсайдеров, самые строгие требования к раскрытию информации и наиболее жесткая правоприменительная практика.

Эмпирические исследования приводят к выводу о том, что проведение в жизнь антиинсайдерских законов оказывает благотворное влияние на рынки и повышает стоимость активов. Это должно стать побудительным мотивом для пересмотра политики государства в области законодательства о сделках инсайдеров и более строгого их применения.

Выгода для меньшинства за счет большинства

Теоретические исследования в области инсайдерских сделок не дают однозначного ответа относительно их связи с волатильностью стоимости акций и экономической эффективностью. Один из возможных выводов состоит в том, что ускоренная реакция цен на финансовых рынках — результат быстрой передачи информации инсайдерами, поэтому инсайдерские сделки в целом способствуют скорейшей передаче сигналов рынку с наименьшим количеством помех. В зависимости от изменений таких сигналов (т. е. изменений базовых факторов), это должно в конечном счете привести к стабилизации рынка и повышению экономической эффективности.

Существует и противоположная точка зрения, согласно которой инсайдерские сделки делают цены менее устойчивыми в долгосрочной перспективе и таким образом уменьшают экономическую эффективность. Доступ к "внутренней" информации наиболее важен в период резкого подъема или резкого падения цен. Таким образом, сделки инсайдеров могут способствовать колебаниям финансовых рынков по двум основным каналам.

В нашем исследовании мы использовали новый критерий масштабов инсайдерского трейдинга на основании Доклада о гло-

бальной конкурентоспособности (GCR) 1997 г. и 1998 г. Оценки с использованием этого критерия выявляют позитивную корреляцию между количеством инсайдерских сделок и колебаниями на рынке. Используя разницу между распространенностью инсайдерских сделок в США (относительно низкий индекс 2,62) и в Китае (с относительно высоким индексом 4,62), приходим к выводу, что это соответствует увеличению в колебаниях доходности активов на 245 пунктов. Сравним это с разницей между волатильностью темпов роста ВВП в двух странах, где увеличение в колебаниях составляет лишь 104 базовых пункта. Таким образом, более высокий уровень волатильности финансового рынка в Китае по сравнению с Соединенными Штатами следует относить на счет более широкого распространения инсайдерских сделок в Китае, нежели нестабильности иных экономических факторов.

Таблица 1. Показатели волатильности рынков и распространенности инсайдерских сделок по странам

Страна	Волатильность финансового рынка	Индекс инсайдерских сделок по GCR
Австралия	0,077	2,57
Бразилия	0,182	4,24
Чили	0,081	3,64
Китай	0,146	4,62
Дания	0,054	2,11
Египет	0,075	4,21
Франция	0,063	3,07
Индия	0,093	4,53
Мексика	0,140	4,49
Россия	0,285	4,63
Турция	0,183	4,08
Великобритания	0,056	2,26
Соединенные Штаты	0,043	2,62
Зимбабве	0,109	4,14

Примечания: 1. Волатильность рынка представляет собой стандартное отклонение от ежемесячного оборота в долларах США с декабря 1984-го по декабрь 1998 г.

2. Индекс инсайдерского трейдинга выводится на основе Доклада о глобальной конкурентоспособности 1997 и 1998 гг. Этот индекс равняется 8, что составляет среднюю величину первоначального индекса в 1997 и 1998 гг. Более высокая величина соответствует большей распространенности инсайдерских сделок.

Сделки инсайдеров связаны с большей волатильностью рынка даже при использовании корректирующих факторов реального роста производства, изменений в валютно-финансовой и фискальной политике и степени зрелости финансового рынка. Из нашего исследования можно сделать вывод о том, что для рынков в странах с более высоким уровнем инсайдерских сделок будет полезно ввести более жесткий мониторинг корпораций и, возможно, ужесточить ответственность за незаконные сделки инсайдеров, с тем чтобы избежать потерь в эффективности экономики.

Измерения в темноте

Другое проявление "энтронита" — отсутствие транспарентности в деятельности корпораций и государств. В политических кругах отсутствие транспарентности нередко называется одной из

основных причин финансовых кризисов, потрясших развивающиеся рынки в недавнем прошлом. Поэтому международные финансовые организации вели активную борьбу за увеличение прозрачности деятельности корпораций и государства в странах-членах этих организаций, а также предприняли ряд мер по обеспечению большей открытости их собственной деятельности.

Термин "транспарентность" означает доступность информации и ее качество, измеряемое на уровне страны. Необходимо различать два типа транспарентности: на уровне государства и на уровне корпораций. Внутри категории транспарентности на уровне государства мы различаем понятия доступности макроэкономических данных (с точки зрения своевременности и частоты) и транспарентности в проведении макроэкономической политики. Корпоративная транспарентность означает доступность финансовой и другой деловой информации о фирмах по стране в среднем.

Относительно корпоративных финансов выдвигался тезис о том, что уменьшение "информационной асимметрии" может привести к увеличению инвестиций со стороны крупных инвесторов и таким образом снизить стоимость капитала фирмы. Из литературы по корпоративным финансам можно сделать вывод, что увеличение транспарентности по стране в целом может стимулировать инвестиции со стороны международных паевых фондов.

Для того чтобы проверить этот тезис эмпирически, мы использовали критерии транспарентности на уровне государства и корпораций вместе с комбинированным показателем, который может в одинаковой степени относиться к непрозрачности действий правительств и корпораций. Оценки, сделанные на основании этих исследований, показывают, что отсутствие транспарентности связано с более низкими оборотами фондов развивающихся рынков.

Таблица 2. Критерии непрозрачности

Страна	Фактор непрозрачности (O-factor) (комплексный)	Макроданные	Макрополитика	Непрозрачность корпораций	Непрозрачность бухгалтерии по LLSV
Аргентина	40	0,20	2	3,13	55
Бразилия	34	0,11	2	3,03	46
Китай		1,87	7	4,23	
Египет	39	1,81	6	3,66	76
Греция	37	1,55		3,13	45
Индия	38	1,45	4	3,22	43
Индонезия	47	0,71	4	3,83	65
Корея	42	1,00	3	3,25	38
Мексика	33	0,32	3	3,36	40
Перу	38	0,46	3	3,39	62
Россия	55	0,34	5	4,21	
Турция	46	0,50	5	2,89	49
Венесуэла	42	0,90	6	4,28	60
Зимбабве	46	1,40		3,17	

Реакция международных инвесторов

Теоретически связь между транспарентностью и "стадным поведением" четко не прослеживается. Наши исследования показывают, что низкая транспарентность увеличивает фактор "стадного поведения". Существует видимая положительная связь между непрозрачностью страны в целом и тенденцией международных инвесторов к "стадному поведению" в процессе инвестиций в активы

страны. Таким образом, если "стадное поведение" международных инвесторов ведет к нестабильности и более частым финансовым кризисам на развивающихся рынках, здесь прослеживается определенная связь с показателями транспарентности стран.

Хотя общее соотношение между "стадным поведением" и непрозрачностью представляет интерес, более важным кажется вопрос: объясняет ли разница в непрозрачности, какие страны могут в большей степени пострадать от бегства капиталов в период кризисов? Не подвержены ли менее прозрачные страны более сильному эффекту "заразительного примера"?

Наше исследование показывает, что чем менее прозрачна страна, тем в больших масштабах наблюдается отток капиталов из нее во время кризисов. Пример такого бегства капиталов — реакция на широко распространенные корпоративные скандалы. Например, в США отсутствие транспарентности во многих корпорациях напугало большое количество инвесторов, которые перевели деньги на другие рынки. Этот пример лишней раз подтверждает, что транспарентность — проблема, которая должна решаться серьезно на всех уровнях для обеспечения финансового благосостояния страны.

Необходима честная игра

Социалистическое централизованное планирование как экономическая система прекратило существование с падением Берлинской стены. Однако из этого нередко делается ошибочный вывод о том, что нерегулируемый рыночный капитализм — наилучшая из всех возможных экономических систем. "Энронит" и его негативные последствия служат напоминанием о важности институтов, регулирующих свободную предпринимательскую деятельность и ориентированных на государственные и общественные интересы, с тем чтобы обеспечить выгоду в равной степени и предприятиям, и их акционерам. Примеры такого принципа — запрещение инсайдерских сделок, повышение транспарентности и контроль над монополиями.

Шан Ыин Вей — советник и директор отдела по торговым отношениям исследовательского департамента Международного валютного фонда и старший научный сотрудник Института Брукингс, Вашингтон, США. Хедер Милкевич — младший исследователь Института Брукингс.

Коррупция в системе образования

Е.Б. Галицкий, М.И. Левин

За последнее десятилетие размеры и характер денежных потоков в сфере образования качественно изменились. Сегодня обучение детей во многом оплачивается родителями, причем эта плата далеко не всегда носит официальный характер. Соответственно, значительные денежные потоки теперь скрыты от государственной статистики. Благоприятными предпосылками для развития коррупции служат плохо формализованные критерии принятия решений. Именно в разработке этих критериев, а также в обеспечении гласности процессов принятия решений лежит ключ к решению проблемы коррупции вообще, и коррупции в сфере образования, в частности.

Из всех форм "теневых" денежных потоков наибольшую опасность для общества представляет коррупция. Взятки платят как за поступление в некоторые учебные заведения, так и в ходе учебы в них. Кроме неблагоприятных экономических последствий — ухода из-под налогообложения значительных денежных потоков, — такая ситуация чревата и крайне опасными социальными последствиями. Достаточно сказать, что личная заинтересованность некоторых работников учебных заведений в получении взяток искажает критерии отбора учащихся: вместо талантливых и при этом подготовленных они зачисляются состоятельных и при этом нечестных. Искажаются и критерии контроля качества знаний в процессе обучения.

Для определения затрат семей на образование, "не видных" государственным органам статистики, Фонд "Общественное мнение" провел серию опросов в нескольких российских регионах осенью 2003 г. Опросы проведены среди населения России и г. Москвы по случайной выборке, населения Красноярского края, Пермской и Ярославской областей по направленной выборке, а также семей студентов, поступивших в текущем году на первый курс престижных московских вузов. Анкета, предложенная респондентам, включала как прямые вопросы о фактическом размере выплаченных семей взяток, так и косвенные вопросы-индикаторы информированности о случаях коррупции, готовности дать взятку и предположительного размера взятки.

Распространенность коррупции

Исследование свидетельствует, что коррупция в сфере образования широко распространена.

- При приеме в школу доля семей, знающих о случаях взяточничества, в общем числе семей с дошкольниками по России в целом составляет 43%, в отдельных областях колеблется от 42% (в Пермской области) до 50% (в Ярославской области), а в столице — 65%.
- В сфере высшего образования взятки еще более распространены: 83% респондентов, в семьях которых были поступившие в вузы, знают о подобных случаях.
- Что касается взяточничества при учебе в вузе, то среди семей со студентами вузов в целом по России слышали о таких случаях 73%, в Москве — 76%, а самый низкий уровень информированности зафиксирован в Пермской области (60%).

Потенциальный спрос на услуги коррупционеров в системе образования

Как выяснилось, многие респонденты считают дачу взяток вполне допустимой. Так, каждая пятая российская семья (и каждая четвертая московская), не колеблясь, дала бы взятку за поступление своего ребенка в хорошую школу. Среди семей, в которых дети поступали в вузы, доля безусловно готовых дать взятку составляет 24% в целом по стране, 17% — в Москве и 11% — в наиболее престижных московских вузах.

Стоит отметить, что население Пермской области проявило наименьшую склонность к даче взяток. Отметим, что респондентов из Пермской области отличал значимо более низкий, по сравнению с Ярославской областью и Красноярским краем, уровень среднедушевого месячного дохода. Заметно более низкой оказалась в Пермской области и доля охваченных опросом семей с высшим образованием хотя бы у одного члена семьи. Однако поскольку выборка опросов была направленной, а не репрезентативной, утверждать что-либо о сравнительных особенностях самих областей не представляется возможным — можно только проследить связь между доходом и образованием респондентов, с одной стороны, и их склонностью давать взятки — с другой.

Семьи, готовые дать взятку, устойчиво состоятельнее прочих семей с детьми, находящимися на той же стадии образовательного процесса (табл. 1):

Таблица 1. Средний доход на члена семьи и готовность дать взятку

Уровни образования	Средний доход на одного члена семьи в месяц в группах семей, по-разному относящихся к тому, чтобы дать взятку при наличии такой возможности (руб./мес.)	
	безусловно готовы дать взятку	дали другие ответы на вопрос
поступление в хорошую школу	2169	1790
поступление в вуз	3163	2583
учеба в вузе	3110	2833

Склонность к даче взяток за поступление ребенка в хорошую школу чаще проявляется в тех семьях, где уровень образования выше. Эта склонность существенно зависит также от места жительства: на этапе поступления в школу она выше у жителей крупных городов (до миллиона жителей) и мегаполисов, а на этапах обучения в вузе, особенно поступления в них — у жителей крупных городов, но не мегаполисов.

- **В детском саду:** о факте дачи взяток сообщили в целом по стране 16% семей с дошкольниками в возрасте от 4 лет. Каждая платившая такие взятки российская семья потратила на них за год в среднем 1,0 тыс. руб., московская семья — 1,9 тыс. руб., семья из Ярославской области, Красноярского края или Пермской области — менее 1 тыс. руб.
- **За прием ребенка в хорошую школу:** расчеты показывают, что взятка за поступление ребенка в школу в среднем по стра-

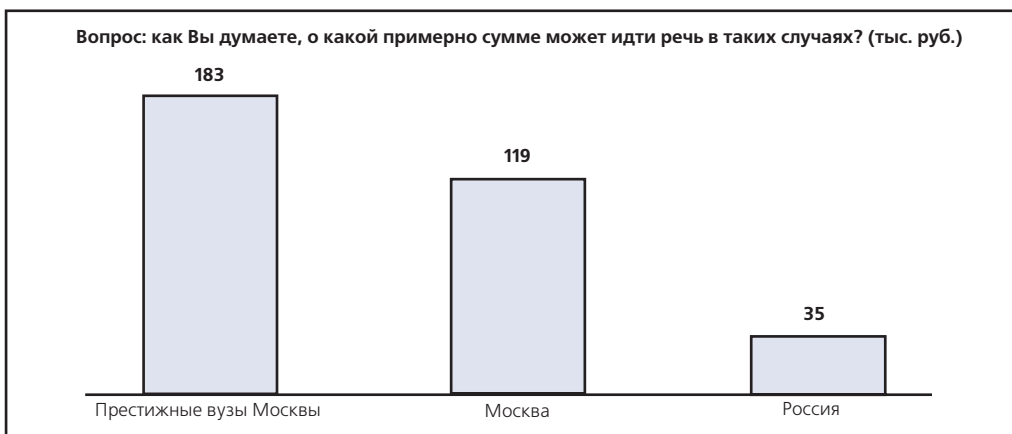
не эквивалентна сумме, близкой к четырем среднемесячным доходам в расчете на одного человека.

- **В общеобразовательной школе:** в целом по стране взятки платят 11% семей. Что же касается размера взяток, то в младших и старших классах он почти одинаков (около 2 тыс. руб.), а в средних — более чем вдвое ниже (0,8 тыс. руб.).

- **За поступление в вуз: в целом по России о даче взятки при оформлении документов** для поступления в вуз и при медкомиссии сообщили 9% респондентов. В то же время две трети из них (6% из 9%) отказалась сообщить размер взятки. В Москве в даче взятки при оформлении документов "призналось" еще меньше семей — лишь 1%, а в престижных вузах — лишь 3%. Имеющиеся данные показывают, что эти взятки составляют в целом по России 20,8 тыс. руб., в престижных московских вузах — 26,7 тыс. руб.

Прямые вопросы о даче взятки при поступлении в вуз не позволяют оценить размеры коррупции при поступлении в вузы, поэтому для оценки необходимо привлечь сведения об ответах респондентов на косвенные вопросы. На рис. 1 приведены средние данные по ответам тех, кто выразил готовность дать такого рода взятку, если бы представилась возможность.

Рисунок 1. Типичный размер взятки за прием в вуз по оценкам тех, кто слышал о таких взятках и готов ее дать за своего ребенка, если представится возможность

Таким образом, в среднем по стране взятка за прием в вуз составляет 35 тыс. руб. (а не 20,8 тыс. руб.). В Москве она примерно втрое выше, а в наиболее престижных московских вузах — впятеро выше.

Стоимостная оценка спроса на услуги коррупционного характера

По нашим оценкам, в 2002/2003 учебном году общий по стране объем взяток составил порядка 26,4 млрд. руб. Эта сумма разбивается на следующие виды взяток:

• при воспитании и обучении дошкольников	2,7 млрд. руб.,
в т.ч.	
в детском саду	1,0 млрд. руб.
за прием в школу	1,7 млрд. руб.
• при обучении в школе	1,4 млрд. руб.
• при поступлении в вузы	10,7 млрд. руб.
• при обучении в вузах	10,7 млрд. руб.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что коррупция в системе образования — значительное по своим масштабам и достаточно распространенное явление, а отнюдь не исключение из правил.

Е.Б. Галицкий — доцент кафедры "Экономики фирмы" Высшей школы экономики, ведущий специалист Фонда "Общественное мнение", М.И. Левин — профессор Высшей школы экономики и Российской экономической школы, главный научный сотрудник Лаборатории математической экономики Центрального экономико-математического института РАН. Полностью работа опубликована в информационном бюллетене "Мониторинг экономики системы образования" ГУ — Высшей школы экономики в 2004 г.

Бюрократизм и коррупция

С. М. Гуриев

Волокита и коррупция, — пожалуй, самые древние и распространенные болезни бюрократии. Они наблюдались во всех обществах, и нет оснований полагать, что они исчезнут в обозримой перспективе. Многочисленные попытки борьбы и с тем, и с другим злом приносили лишь ограниченные результаты. Одна из проблем коррупции и волокиты в бюрократической иерархии состоит в том, что их нельзя рассматривать по отдельности. Коррупция в одной части иерархии может быть следствием коррупции в другой ее части; излишний бюрократизм и во-

локита могут являться признаками потенциальной коррупции; взятки вымогаются часто в связи с тем, что уровень бюрократизма потенциально высок. Чтобы повысить эффективность бюрократии, необходимо помнить об этой взаимозависимости, и бороться с причинами, а не последствиями.

Анализ бюрократизма и коррупции в бюрократической иерархии (Гуриев, 2004) показывает, что потенциальная коррупция всегда приводит к чрезмерному бюрократизму даже при опти-

мальной структуре стимулирования труда чиновников. Эффект "смазки колес" всегда слабее, чем другие негативные последствия коррупции, ведущей к бюрократической волоките и зарегулированности.

Издержки и выгоды, связанные с бюрократизмом

Издержки бюрократизма хорошо известны: бизнес и население вынуждены тратить много времени и значительные ресурсы для преодоления бюрократических препон и соблюдения ненужных правил и норм; бюрократизм увеличивает издержки бизнеса во многих странах (Брунетти и др., 1997). Излишнее регулирование порождает коррупцию (Бардхан, 1997), которая в свою очередь сильно сдерживает экономический рост и развитие (Мауро, 1995).

Положительные стороны бюрократизма еще недостаточно хорошо осознаны. Существует мнение о том, что сложные правила и процедуры навязываются бюрократическому классу для того, чтобы сократить кумовство и произвол и таким образом *ограничить* рост коррупции. Другая точка зрения состоит в том, что сложные бюрократические процедуры устанавливаются обществом из сострадания к той категории граждан, которые при использовании более простых механизмов (например, аукционов или конкуренции взяток) не смогли бы получить то, что, по мнению общества, им положено; т.е. бюрократизм помогает преодолеть некоторые недостатки рынка (Уилсон, 1989). Хотя бюрократизм обходится дорого, никому не приходило в голову избавиться от него вовсе; считается, что некоторый (положительный) уровень бюрократизма вполне допустим и даже желателен. Проблема в том, что небескорыстные бюрократы обычно предпочитают уровень бюрократизма, превышающий социальный оптимум.

Взаимодействие между бюрократизмом и коррупцией

Известный тезис о "смазывании колес" состоит в том, что коррупция может способствовать экономическому росту, поскольку делает бюрократию более гибкой. При помощи взяток ("смазки") бюрократы интернализируют издержки, которые навязываются экономике нормами и правилами. Против этого тезиса часто возражают, что он не учитывает эндогенный характер негибкости бюрократии. "Если правила можно использовать для вымогания взяток, неизбежно будут вводиться все новые и новые правила" (Танци, 1998). Тем не менее, даже если негибкость бюрократии — ее имманентная черта, непонятно, почему равновесный уровень бюрократии является избыточным. Официальный уровень бюрократизма высок, но путем переговоров он сводится до более низкого уровня. Далее, поскольку в результате тайных переговоров и чиновник, и взяткодатель максимизируют свой выигрыш, не учитывая социальных выгод бюрократизма, равновесный уровень бюрократизма должен быть ниже социально оптимального уровня. Например, когда правила и нормы вводятся для того чтобы обеспечить доступ к общественным благам (например, образованию и здравоохранению) для бедных, коррупция слишком сильно снижает уровень бюрократизма и перераспределяет общественные блага в пользу богатых за взятки.

Работа автора (2004) обосновывает избыточный бюрократизм в иерархической модели, которая учитывает ряд взаимодействий между бюрократизмом и коррупцией. Основные предположения модели очень просты: благожелательный принципал (например, избиратели или честное и подотчетное правительство) предоставляет блага разным типам агентов. Вследствие наличия различных экстерналий агенты, имеющие право на получение блага, готовы платить за него меньше, чем агенты, которым правительство не хочет предоставлять такие блага. В связи с этим распределение посредством

рыночных механизмов (например, аукционов) невозможно. Бюрократические процедуры, хотя лишь и частично, могут помочь в отсеивании нежелательных типов агентов. Бюрократическая волокита моделируется как серия тестов, выявляющих информацию о типе агента, причем каждый тест стоит агенту определенное количество времени или денег. Для применения бюрократических правил правительство нанимает чиновника, который может брать взятки заранее (*ex ante*) и после (*ex post*). Коррупция *ex ante* описана выше: агент дает взятку для сокращения волокиты *до того* как бюрократические процедуры выявляют тип агента. Коррупция *ex post* имеет место *после* выявления информации, когда тип агента уже известен: бюрократ может войти в сговор с агентом для ее сокрытия. Коррупция *ex post* стимулирует бюрократа к увеличению бюрократизма: чем больше бюрократизма, тем больше шансов получить информацию и выманить взятку.

Взаимодействие коррупции и бюрократизма создает целый клубок проблем. В дополнение к проблеме отрицательного отбора (тип агента известен только ему самому) существует двойная проблема предоставления стимулов: чиновник может установить неправильный уровень волокиты *ex ante* и исказить информацию о типе агента *ex post*. В равновесии государство может решить последнюю проблему, но это подрывает его способность предоставить эффективные стимулы *ex ante*. Хотя угроза коррупции *ex post* не реализуется в случае равновесия, все равно она приводит к избыточному бюрократизму, даже с учетом того, что бюрократ сокращает волокиту в обмен на взятки.

Таким образом, потенциальная коррупция приводит к избыточной (а не недостаточной) волоките в ситуации равновесия по сравнению с социально оптимальным уровнем. Этот результат нетривиален, поскольку мы учитываем два противодействующих фактора: (i) коррумпированные чиновники могут брать взятки *ex ante* за упрощение бюрократических процедур; (ii) коррумпированные бюрократы создают новые бюрократические препоны для получения информации и вымогательства взяток. Получается, что в случае равновесия второй эффект всегда превалирует.

Избыточный бюрократизм имеет место из-за угрозы коррупции *ex post*, даже если в равновесии отсутствует коррупция. Принципал устраняет коррупцию *ex post*, предлагая контракт, исключающий сговор, но необходимость устранить сговор при определении материальных стимулов бюрократа уменьшает способность принципала достигнуть эффективного конечного результата. Наши выводы противоречат распространенному взгляду, лучше всего выраженному Хангтином ("Political Order in Changing Societies"): "...хуже общества с жесткой, централизованной и продажной бюрократией может быть только общество с жесткой, централизованной и честной бюрократией".

Почему этот взгляд отвергается нашей моделью? Этот вопрос отнюдь нетривиален. В нашу модель включен эффект, на котором основан данный тезис: коррупция помогает бюрократу интернализовать издержки бюрократических барьеров, навязанных обществом. Однако у модели есть другие важные черты. Во-первых, мы исходим из того, что стимулы чиновника задаются рациональным и доброжелательным принципалом. Во-вторых, что более важно, мы не считаем жесткость заданной извне, а определяем ее уровень в равновесии, исходя из стимулов бюрократа. Если официальный уровень бюрократизма слишком высок, коррупция *ex-ante* сокращает его до более разумного уровня, что в свою очередь зависит от стимулов, предлагаемых принципалом чиновнику. Наш анализ оказывает, что из-за угрозы коррупции *ex-post* принципал не может создать стимулов для проведения равновесного уровня бюрократизма к социально оптимальному. Коррупция приводит к избыточной волоките.

Данная теория также доказывает необходимость полного дерегулирования в случае, если проблема избыточных бюрократических барьеров принимает особую остроту. В некоторых ситуациях потенциальная коррупция приводит к таким бюрократическим издержкам, что лучше не иметь никакого регулирования. Это путь, на который вступили многие страны, включая Россию с ее пресловутой реформой по дебиюкратизации. Разумеется, лицензирование, сертификация, противопожарная безопасность и санэпиднадзор социально важны в идеальном мире, но если чиновники, стоящие во главе их, могут брать взятки, для общества лучше полное дерегулирование. Наша теория доказывает, что в этих ситуациях нельзя сконструировать такие стимулы для коррумпированных чиновников, которые могли бы обуздать бюрократизм.

Таким образом, даже при наличии эффекта "смазывания колес", в целом влияние коррупции на бюрократическую волокиту отнюдь не безобидно. Коррупция либо приводит к избыточному бюрократизму, либо побуждает государство самоустраниться от социального регулирования. В обоих случаях коррупция подрывает общественное благосостояние. Тезис о "смазывании колес" неверен и не должен использоваться для создания в обществе снисходительного отношения к коррупции.

Сергей Гуриев — ведущий экономист ЦЭФИР, профессор Российской школы экономики и приглашенный профессор Принстонского университета (2003—2004). Статья основана на работе, опубликованной в "Journal of Development Economics" в 2004 г.

Созрел для выхода на пенсию

"Мне кажется, что Вы неспособны адаптироваться к требованиям современной действительности. Ваша точная и непогрешимая система бухгалтерского учета просто отвратительна".

Из журнала Носиро (Венгрия)

Экономический практикум

Административный ресурс: проблемы, проявления и стратегии мониторинга

Е.А. Панфилова

До недавнего времени вопрос об "административном ресурсе" не являлся предметом особого внимания со стороны ученых, занимающихся национальными и международными выборами. На самом деле вопрос использования "административного ресурса" в ходе выборов вышел на передний план электорального мониторинга после выборов на Украине в 2001 году, когда он был признан "фактором влияния на политический выбор граждан". Аналогичные примеры можно привести из докладов наблюдателей за выборами во многих странах, хотя они не были систематизированы и рассмотрены в более широком контексте.

Есть несколько объяснений того факта, что в течение долгого времени явление "административного ресурса" оставалось невидимым, даже если некоторые его проявления упоминались в отчетах о выборах во многих странах мира.

Во-первых, административный ресурс нередко сводится к понятию "злоупотребления государственными ресурсами в электоральных целях". Последняя проблема явилась предметом пристального внимания законодателей и организаторов выборов в большинстве демократических стран Запада и ряде новых демок-

ратических государств. Очевидно, что ограничения на произвольное использование государственных денег могут уменьшить возможности исполнительных органов власти обеспечивать свои политические интересы. В то же время даже в странах с почти идеальным электоральным законодательством можно изыскать способы использования административного ресурса на выборах.

Во-вторых, вмешательство исполнительных органов власти в политику в новых демократических государствах было весьма распространенным явлением, учитывая, что политические системы этих государств появились на карте мира лишь в конце XX века. Необходимость контролировать и поддерживать новые партии и демократические институты привела к непосредственному участию исполнительной власти в процессе партийного строительства. В некоторых странах почти все существующие партии были созданы и получали в разных формах поддержку со стороны тех, кто добился свержения коммунистических режимов. Кроме того, существует мнение, что задача минимизации влияния и роли коммунистических и левых партий для обеспечения рыночных реформ может быть решена только путем прямого вмешательства властей

в процесс регулирования политических систем. Поэтому использование административного ресурса для регулирования политической жизни новых демократических государств рассматривалось как "меньшее зло" и не получило должного отражения в докладах наблюдателей за выборами.

В-третьих, административный ресурс вообще трудно наблюдать. В ряде случаев наблюдатели, присутствовавшие на международных и национальных выборах, не могли объяснить или квалифицировать конкретные эпизоды предвыборных компаний и результаты некоторых из них, поскольку эти эпизоды не подпадали под определения нарушений закона, но с очевидностью представляли собою нарушения духа свободных и равных выборов. Примером может явиться неожиданное однократное выделение бюджетных денег на социальные программы. Даже если власти имеют право выделять финансирование на такие программы, сомнительно, чтобы эти расходы были утверждены в результате соответствующих бюджетных процедур и были обеспечены бюджетными фондами.

Природа административного ресурса

Отчеты о мониторинге выборов в различных странах дают множество примеров, связанных с использованием административных рычагов или государственных денег партиями и кандидатами, находящимися у власти в ходе предвыборной борьбы. Административный ресурс характеризуется следующим набором параметров:

- создание благоприятных условий для партии и кандидатов власти на выборах;
- непосредственная финансовая поддержка партии власти в ходе предвыборной компании за счет государства;
- создание неравных условий для партий и кандидатов в выборах;
- манипуляция и фальсификация результатов выборов.

Основываясь на информации, полученной из различных источников электорального мониторинга, административный ресурс может быть определен как: *"использование официального положения и административных полномочий для получения дополнительных преимуществ, возможностей и гарантий в процессе обеспечения личных и корпоративных политических интересов"*.

Типы и категории электоральных административных ресурсов

Различные категории административных ресурсов принадлежат к двум основным типам, "коррупционным" и "принудительным". Ясно, что "коррупционный" административный ресурс или "непосредственное использование или злоупотребление государственными ресурсами со стороны правящих партий и кандидатов" более активно используется на этапе предвыборной агитации и проявляется различным образом. "Принудительный" административный ресурс, или "запугивание или давление на политические партии и кандидатов, либо непосредственно, либо через другие государственные институты в пользу правящих партий и кандидатов" используются на всех стадиях кампании. В то же время случаи использования "принудительного" административного ресурса не могут быть прослежены как источники доходов или расходов партий и кандидатов власти и в очень редких случаях непосредственно связаны с финансированием предвыборной кампании.

"Коррупционный административный ресурс" дает партиям и кандидатам власти практически неограниченные возможности бесперебойного финансирования предвыборной кампании. Используются различные типы ресурсов:

1. Институциональный ресурс, связанный с использованием человеческого капитала или государственной собственности для электоральных целей партиями и кандидатами власти:

- заявление о поддержке кандидата или партии со стороны государственных чиновников категории А или заявление о такой поддержке от самого кандидата или партии;
- вовлечение в предвыборную деятельность государственных служащих, государственных предприятий, институтов, исследовательских центров, финансируемых государством некоммерческих организаций;
- использование государственных (муниципальных) помещений, инфраструктуры и транспортных средств для предвыборных целей;
- проведение предвыборной агитации в ходе служебных командировок;
- использование общественных мероприятий, организуемых государственными или муниципальными органами для целей предвыборной агитации.

2. Бюджетный ресурс, связанный со злоупотреблением государственными финансовыми ресурсами для проведения предвыборных мероприятий отдельных кандидатов или партий:

- непосредственное распределение бюджетных денег, продуктов и услуг между избирателями;
- выделение на законных основаниях бюджетных средств, предназначенных для выборов, сверх разрешенных сумм без четкого объяснения мотивов такого выделения;
- непредвиденные бюджетные выплаты в ходе предвыборной кампании без четкого объяснения природы этих выплат;
- осуществление бюджетных проектов социальной направленности, о которых не было заявлено заранее и которые не включены в федеральные или муниципальные или иные планы развития;
- выделение фондов государственным предприятиям, институтам, исследовательским центрам, государственным некоммерческим организациям, не заявленные ранее и не предусмотренные бюджетом.
- непосредственное предоставление средств партиям и кандидатам власти без указания конкретной статьи, по которой проходят эти расходы.
- организация бесплатной доставки избирателей на избирательные участки.

3. Ресурс СМИ, связанный с использованием государственных СМИ в пользу партий и кандидатов власти:

- прямое нарушение электоральных норм со стороны СМИ;
- скрытая реклама за или против кандидатов или партий;
- использование сообщений о деятельности государственных органов в публикациях и программах.

Сценарии

Не существует четкой и разработанной методологии конкретного мониторинга административного ресурса. Выбор сценария мониторинга должен основываться на предварительной оценке важности использования административного ресурса в выборах различных уровней в конкретных странах; наличии опытных специалистов и ресурсов для проведения мониторинга; возможности сбора соответствующей информации.

1. Общий мониторинг выборов.

Различные национальные и международные организации регулярно проводят электоральный мониторинг, в том числе в какой-то степени затрагивая и проявления использования администра-

тивного ресурса. Например, миссии OSCE/ODIHR уделяют большое внимание злоупотреблению человеческими и материальными ресурсами государства (http://www.osce.org/odhr/documents/guidelines/election_handbook/eh_book.htm).

Мониторинг этого типа основан на использовании двух основных инструментов: непосредственного наблюдения за кампанией и документации конкретных мероприятий; интервью с представителями партий и кандидатами, электоральными органами, неправительственными организациями и журналистами. Этот сценарий дает возможность поставить примеры использования административного ресурса в более широкий контекст электоральной практики и составить доклады, обратив внимание на важнейшие элементы предвыборной кампании и ограниченный набор примеров нарушений и злоупотреблений законодательства о выборах. Этот сценарий мало приспособлен для контроля исполнения и правозащитной деятельности и в основном может быть использован для поднятия уровня осведомленности.

2. *Специальный проект мониторинга административного ресурса в избирательной кампании в целом.*

В странах, где по предварительным данным использование административного ресурса может оказать существенное влияние на результаты выборов, можно использовать комплексный проект мониторинга, направленный на детальный мониторинг всех стадий и элементов выборной кампании. Такой мониторинг может включать в себя: общее наблюдение за ходом кампании путем мониторинга СМИ, непосредственное наблюдение за элементами выборной кампании на федеральном или местных уровнях, экспертные интервью с представителями соответствующих организаций, а также юридический, процедурный и финансовый анализ.

3. *Специальный проект мониторинга административных ресурсов, нацеленный на отдельные категории административного ресурса.*

Исследование показывает, что в некоторых странах использование административного ресурса имеет ограниченные масштабы и/или проявляется в виде конкретных типов. В таких случаях проект может следовать за сценарием общего электорального мониторинга со специальным упором на конкретные категории и типы. Мониторинг институциональных административных ресурсов должен основываться прежде всего на прямом наблюдении кампании и экспертных интервью. Сценарий мониторинга бюджетных ресурсов основан прежде всего на экспертных и углубленных интервью. Ресурс СМИ, разумеется, основан на мониторинге СМИ в центре и на местах.

4. *Специальный проект мониторинга административного ресурса, нацеленный на отдельные избирательные округа.*

Для создания детальной картины предвыборной кампании и потенциального использования административного ресурса можно разработать проекты для отдельных избирательных округов. Такие проекты дают прекрасную возможность документировать, описывать и анализировать весьма конкретные типы административного ресурса, например, использование бюджетных средств (строительство или реставрация государственного или муниципального жилья, строительство или ремонт дорог и т.д.), что с трудом поддается мониторингу в масштабе общего мониторинга. Специфика этого проекта состоит в том, что он дает возможность брать углубленные интервью по конкретным случаям у широкого круга лиц. Сценарий такого проекта включает: мониторинг местных СМИ, углубленные интервью кандидатов, руководителей предвыборных штабов, представителей местных избирательных органов, администрации, местной общественности и бизнеса, не-

посредственное наблюдение за проведением агитации, а также разработка конкретных случаев, включая юридический, процедурный и финансовый анализ.

Этот тип проекта может дать весьма конкретные рекомендации для проведения местных выборов в будущем и открывает перспективу обжалования через суд, если будет собрано достаточно доказательств нарушений правил выборов, связанных с использованием административного ресурса.

5. *Специальный проект мониторинга административного ресурса на примере отдельных партий и кандидатов.*

В случае если одна партия власти или один кандидат имеют явное преимущество перед всеми другими партиями или практически отсутствуют конкурирующие партии и кандидаты, проект мониторинга логически концентрируется на такой партии или кандидате. Специфика такого проекта состоит в том, что информация по предвыборной кампании может быть либо слишком обширной (если одна партия или кандидат пользуются своим преимуществом в кампании и доступом к всевозможным средствам) или очень ограниченной (если партия или кандидат считают излишним участвовать в предвыборной борьбе, потому что уверены в победе). Важно проводить такой специальный мониторинг с самых первых дней электорального периода для того чтобы максимально охватить все предвыборные мероприятия партии или кандидата. Проведение медиа-мониторинга в таких проектах может быть связано со значительными трудностями, ибо будет означать документирование каждой минуты программ, передаваемых государственными теле- и радиоканалами. Для этого типа проектов могут оказаться полезными экспертные интервью, которые могут проводиться с международными и отечественными наблюдателями, представителями других партий и кандидатов и рядовыми избирателями.

Инструменты

Разные типы административных ресурсов наиболее эффективно подвергаются мониторингу разными инструментами:

Мониторинг СМИ. Сюда входит мониторинг печатной и электронной прессы, радио, информ-агентств и интернета; записи ТВ и радиопрограмм и создание архива документов. Собранные материалы можно классифицировать по типам административного ресурса, частоте его проявления и по партиям и кандидатам, его использующим. Анализ может также отмечать "положительный", "нейтральный" или "негативный" тон сообщений о событиях, партиях и кандидатах. В некоторых странах, где государство владеет или контролирует большую часть СМИ, последние становятся одновременно объектом и инструментом мониторинга: через мониторинг СМИ собирается информация о других категориях и типах мониторинга и одновременно осуществляется мониторинг самих СМИ на предмет манипуляции административным ресурсом.

Изучение конкретных случаев (юридическое, процедурное и финансовое). Юридический анализ имеет целью определить и зафиксировать нарушения законодательства. Процедурный анализ призван определить, соответствуют ли выявленные в ходе конкретных проверок факты нормам государственной службы и этическим стандартам, обусловленным местными нормативными документами. Общая цель финансового анализа — определить минимальный объем расходов партий и кандидатов в процессе предвыборной кампании.

Непосредственное наблюдение предвыборной деятельности. Непосредственное наблюдение является едва ли не самым трудным инструментом мониторинга. Объектами непосредственного наблюдения могут быть: помещения штаб-квартир партий

и кандидатов, встречи с избирателями и другие предвыборные мероприятия, аудитория, присутствующая на этих мероприятиях, место, периодичность и формат печатных агитационных материалов и т.д. Опыт мониторинга миссий ОБСЕ показывает, что группа непосредственного наблюдения должна состоять не менее чем из двух человек, которые должны иметь при себе письменные документы, свидетельствующие о целях и задачах проекта мониторинга, в котором они участвуют, имя и контактные данные организации, осуществляющей проект, а также желательно рекомендательные письма от соответствующих избирательных органов. Важно, чтобы как можно большее количество местных коллег знало о проекте мониторинга.

Экспертные и углубленные интервью проводятся с представителями партий и кандидатов, настоящими и бывшими руководителями предвыборных кампаний, государственными служащими и служащими местных административных и избирательных органов, представителями общественности, экспертами других мониторинговых организаций, исследовательских институтов и агентств по проведению опросов.

Результаты проектов мониторинга

Результаты проектов мониторинга административного ресурса можно в целом разделить на два типа: методологические и практические. Методологический доклад с более конкретной типологией административного ресурса и методов и инструментов мониторинга может быть подготовлен в дополнение к общему докладу по результату мониторинга. Это особенно важно, потому что административный ресурс, будучи явлением гибким и непрерывно развивающимся, все время находит новые способы проявления.

Практические результаты проекта мониторинга включают в себя конкретные документы и последующие сценарии. Конкретный документ может представлять собой общую картину использования административного ресурса в предвыборной кампании, дневник событий, детальные результаты проверок, публикации по результатам и выводам проекта, рекомендации по практическому применению результатов. В сценарии дальнейших действий результаты конкретных проверок могут быть использованы для разработки законодательных рекомендаций или инициации судебных процедур. Если в ходе разработки конкретных случаев будут выявлены лазейки или нечеткие юридические положения, возможна разработка проектов поправок к юридическим документам. Сценарий дальнейших действий может также предложить набор мероприятий, таких как распространение материалов проекта и организацию общественной дискуссии выводов проекта. Популяризация результатов исследований должна проходить в течение как минимум шести месяцев после выборов с тем чтобы максимально использовать потенциал успеха во время текущего электорального цикла. Рекомендации могут даваться избирательным органам с целью достижения большей прозрачности или с целью добиться выдвижения инициативы по принятию Пакта о честных выборах, а также создания и соблюдения адекватных механизмов мониторинга. Кроме того, мониторинговая организация может выступить с инициативами по распространению методологии и тренингу местных некоммерческих организаций и фондов с тем чтобы расширить масштаб мониторинга в последующих выборах.

Елена Панфилова — генеральный директор Центра антикоррупционных исследований и инициатив Transparency International - Россия, г. Москва

Примерная форма доклада о конкретных проверках

1. Характеристика мероприятия
2. Источники информации о мероприятии
3. Краткое описание соответствующей партии (кандидата)
4. Место мероприятия в общем процессе предвыборной кампании (с присуждением очков)
 - периодичность аналогичных мероприятий
 - смежные мероприятия
5. Юридический анализ характера мероприятия
 - выборное законодательство
 - законодательство о СМИ
 - законодательство о партийных системах
 - административное право
 - закон о бюджете
6. Процедурный анализ природы мероприятия
7. Углубленные интервью
8. Комментарии к мероприятию со стороны групп общего мониторинга, избирательного органа, экспертов, СМИ
9. Примерная "минимальная стоимость" проведения мероприятия, если возможно
10. Выводы

Примерный вопросник для экспертного интервью

1. Какие партии/кандидаты находятся у власти и какие государственные ресурсы они контролируют и могут использовать
2. Получите экспертные оценки о (i) финансировании кампании и (ii) расходах на предвыборную кампанию
3. Детально обсудите стратегию предвыборной кампании: какие мероприятия проводятся и как.
4. Внутри отдельных категорий поставьте конкретные вопросы с целью получить информацию о возможных административных ресурсах:
 - а. Организация партии, кандидата: где находится (например, у кого арендуется помещение, какова арендная плата); кто работает в партийной организации, оплачивается ли их работа
 - б. Подготовка кампании:
 - (i) где и как разработаны партийная программа и манифест
 - (ii) кто проводит опросы и маркетинговые исследования и кто их финансирует
 - в. Расходы на рекламу и презентации в СМИ:
 - (i) какие СМИ выбираются и почему;
 - (ii) приблизительная стоимость места/времени в различных органах СМИ;
 - (iii) ограничен (или неограничен) доступ к СМИ.
 - г. Скрытая реклама:
 - (i) способны ли вы создать положительный имидж себя/ партии в государственных СМИ без рекламы.
 - (ii) если да, то как
 - д. Мероприятия, митинги:
 - (i) сколько было проведено
 - (ii) в каких помещениях

продолжение статьи Andrei Shleifer, Daniel Treisman "Нормальная страна" со стр. 1

Однако три фактора заставляют думать, что экономическое развитие России в 1990-х гг. на самом деле было гораздо лучше. Во-первых, значительную часть производства в Советском Союзе составляли вооружения, незаконченные строительные проекты и не пользовавшийся спросом дешевый ширпотреб. В рыночной системе фирмам нет смысла производить потребительские товары, которые они не могут продать. С прекращением центрального планирования отпал соблазн завышать производственные показатели в отчетах для получения премий; наоборот, у руководителей предприятий появилась заинтересованность в занижении реальных цифр производства, с тем чтобы платить меньше налогов. Таким образом, реальная оценка ВВП на душу населения в России в 1989 г. должна быть значительно ниже официальной, и, соответственно, спад производства меньше (Ослунд, 2002).

Во-вторых, в 1990-х гг. наблюдался быстрый рост теневой экономики в России. Обычно рост экономики в целом, включая ее официальную и неофициальную часть, измеряется по объему потребления энергии (Джонсон, Кауфманн и Шлейфер, 1997). Хотя, по официальной статистике, производство ВВП снизилось за указанный период на 29%, потребление электричества сократилось на 19%.

В-третьих, другие статистические данные указывают на то, что средний уровень жизни за десятилетие снизился мало, а в некото-

рых важных аспектах — повысился. Объемы розничной торговли (в постоянных ценах) выросли в 1990-2001 гг. на 4%. По данным Госкомстата, средняя жилая площадь на человека увеличилась с 16 кв. м в 1990 г. до 19 кв. м в 2000-м. Количество личных автомобилей практически удвоилось: с 14 на 100 семей в 1991 г. до 27 в 2000 г. Рост показателей отмечен не только в Москве и Санкт-Петербурге, но практически во всех регионах.

Для правильной оценки экономического развития России в 1990-х гг. полезно сравнить его с развитием другим бывших коммунистических стран (см. табл. 1). Сравнение выявляет два факта. Во-первых, по официальной статистике, производство упало во всех бывших коммунистических странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза без исключения. Во-вторых, сокращение производства было неодинаково в различных странах. В России цифры даже несколько ниже среднего показателя в 14 бывших республиках Советского Союза, по которым имеется статистика.

Таблица 1. Динамика реального производства ВВП на душу населения за 10 переходных лет: 1991-2001 гг. для бывших республик Советского Союза; 1989-1999 гг. для стран Восточной Европы

Восточная Европа	Бывший Советский Союз
Польша 41*	Эстония 13
Словения 21*	Казахстан -2
Чехия 2*	Беларусь -4
Венгрия 2	Узбекистан -14
Словакия -3	Латвия -15
Албания -3	Литва -18
Хорватия -5*	Армения -20
Македония -8*	Россия -25
Румыния -20	Республика Кыргызстан -31
Болгария -22	Туркменистан -32
	Украина -45
	Грузия -49
	Молдова -55
	Таджикистан -60
* 1990-2000	Азербайджан данные отсутствуют

Источник: рассчитано по данным Всемирного банка, Показатели развития мира 2003.

Финансовые кризисы

1990-е гг. стали для России десятилетием крупных макроэкономических потрясений. С декабря 1991 г. по декабрь 2001 г. реальный курс рубля упал по отношению к доллару более чем на 99%. Когда правительство девальвировало рубль и объявило мораторий на выплату внешних долгов, многие наблюдатели расценили это как банкротство макроэкономической политики России и попытку провести экономические реформы в целом. На самом деле подобные финансовые кризисы — явление весьма распространенное в странах с развивающимся рынком. Падение рубля на 99% звучит удручающе, но в 11 других странах, включая Бразилию, Турцию, Украину и Беларусь, курс местных валют упал за десятилетие еще больше.

Безжалостный бой с коррупцией

"Эти люди просто ничего не понимают. Их надменность не знает границ. Они думают, что меня можно подкупить жалкими 30 миллионами!"

Из журнала Носиро (Венгрия)

Дефолт в России не был изолированным феноменом: он пришелся на самую середину волны аналогичных валютных кризисов, поразивших страны на пространстве от Таиланда и Индонезии до Бразилии и Турции. Последствия кризиса для России оказались гораздо менее тяжелыми, чем утверждалось в то время. Более того, за девальвацией последовал довольно продолжительный период быстрого роста и еще более энергичных попыток проведения либеральных экономических реформ.

Экономическое неравенство

Один из распространенных тезисов относительно России состоит в том, что способ проведения экономических реформ усугубил экономическое неравенство. Обычно вину за это возлагают на приватизацию.

Действительно, с момента падения коммунизма неравенство в России резко возросло. По данным Госкомстата, коэффициент Джини, измеряющий денежные доходы, увеличился с 0,26 в 1991 г. до 0,41 в 1994 г. и остался на уровне примерно 0,40 до конца десятилетия. По данным Всемирного банка, коэффициент Джини по расходам в России равнялся 0,496 в 1993 г., 0,480 в 1996 г. и 0,487 в 1998 г., что на самом деле ниже, чем показатели Гонконга (0,522), Мексики (0,531), Южной Африки (0,593) и Бразилии (0,607).

Явилась ли приватизация причиной усугубления неравенства? Загвоздка в том, что рост неравенства произошел еще до ее проведения. Как видно из только что приведенных цифр, резкое увеличение коэффициента Джини в России произошло между 1991 г. и 1993 г., достигнув высшей точки в 1994 г., — еще до того как результаты приватизации могли на нем сказаться.

Неравенство доходов в России увеличивалось в начале 1990-х гг. потому, что некоторые работники работали в успешных фирмах, которые сумели быстро воспользоваться преимуществом свободных цен и свободной торговли, в то время как другие продолжали работать на государственных предприятиях, экономические показатели которых падали. Как ни печален факт роста неравенства, это лишь обратная сторона рационализации экономической деятельности.

Олигархический капитализм

Часто утверждается, что экономические реформы в России способствовали возникновению небольшой группы "олигархов". То, что крупный бизнес в России находится в руках небольшого количества магнатов, трудно отрицать. В этом отношении Россия — типичный представитель группы стран со средним уровнем дохода, которая также включает Мексику, Бразилию, Израиль, Южную Корею, Малайзию, Южную Африку и другие.

А как обстоит дело с утверждением о том, что олигархи явились виной экономического спада? Как уже указывалось, настоящий крупный экономический спад в России произошел до, а не после того как на сцену вышли олигархи (1995—1996). Компании, во главе которых стояли олигархи, добились исключительно высоких показателей, гораздо более высоких, чем сопоставимые компании, оставшиеся под контролем государства и бывших советских директоров.

Верно ли утверждение о том, что олигархи выводили активы из компаний, которые достались им в результате приватизации, вместо того чтобы инвестировать в них? Как показывает табл. 2, финансовая отчетность компаний свидетельствует о том, что олигархи инвестировали больше, чем тратили, особенно начиная с 1998 г.

Таблица 2. Суммарные активы и инвестиции трех ведущих российских компаний

	1996	1997	1998	1999	2000	2001
ЮКОС						
Суммарные активы, млрд. долл. США	4,7	5,2	5,3	6	10,3	11,4
Инвестиции, млн. долл. США				226	729	945
"Сибнефть"						
Суммарные активы, млрд. долл. США	7,6	5,6*	5	4,3	4,6	5,7
Инвестиции, млн. долл. США			154	129	231	619
"Норильский никель"						
Суммарные активы, млрд. долл. США				6,6	7,2	7,2
Инвестиции, млн. долл. США				168	638	449*

*Балансовые активы сократились на 1,3 млрд. долл. в связи с изменением методики бухгалтерского учета.

а Инвестиции в имущество, помещения и оборудование

б Капитальные затраты

Источники: подвергнутая аудиту финансовая отчетность и годовые отчеты.

Напротив, самые крупные скандалы, связанные с выводом активов, произошли на предприятиях, оставшихся под контролем государства. Бывшее руководство "Газпрома" обвинялось в уводе активов через сложную сеть торговых компаний. Государственная авиакомпания "Аэрофлот" в отчетах указала на сокращение активов между 1998 и 2001 гг.

Из сказанного отнюдь не следует, что олигархи стремятся улучшить благосостояние народа, что они политически наивны и защищают интересы миноритарных акционеров. Они воспользовались связями в правительстве для совершения выгодных сделок и в процессе консолидации контроля над своими предприятиями широко прибегали к тактике "размывания" стоимости акций миноритариев. Защита прав инвесторов и корпоративное управление в России остаются слабым местом. Но и здесь Россия не отличается от большинства стран со средним уровнем доходов и развивающихся стран. Со временем реформы судебной системы способны уменьшить эти проблемы, но, как правило, такие реформы происходят на более высоком уровне экономического развития, чем тот, на котором сейчас находится Россия.

Демократия

В 2000/2001 г. неправительственная организация Freedom House, составляющая рейтинги институтов в различных странах, вывела Россию балл "5" за политическую свободу и "5" за гражданские свободы по 7-балльной шкале, где высшим баллом является "1", а низшим — "7". Таким образом, политические институты России получили оценки ниже, чем военное правительство Бразилии в конце 1970-х гг., а состояние гражданских свобод было оценено хуже, чем в Нигерии в 1991 г., когда страной правил диктатор генерал-майор Ибрагим Бабангида.

Действительно ли дела с демократией в России обстоят так плохо? Несмотря на многие несовершенства, политическая жизнь России более демократична, чем практически в любой из окружающих ее стран. Только страны Балтии обнаруживают такой же или более высокий уровень демократии. Недостатки российской демократии те же, что и во многих развивающихся странах со средним уровнем дохода.

В период с 1991-го по 2000 г. в России проведено шесть всенародных выборов (три парламентских и три президентских), в которых население приняло активное участие: явка в 1991 г. составила 72%, а в 1993 г. — 55%. Несомненно, в ходе выборов в России имели место фальсификация и нарушения. В ходе региональных выборов представители властей использовали технические приемы для снятия кандидатов, а действующие руководители всех уровней незаконно использовали административный ресурс в ходе избирательной кампании. Но и эти проблемы по масштабу не превосходят обычные нарушения, имеющие место в демократических странах со средним уровнем дохода.

Свобода прессы

Freedom House проводит ежегодный обзор положения со свободой прессы и составляет рейтинги стран по шкале от нуля (высший балл) до 40 (низший балл). В 2002 г. Россия оказалась на 30-м месте. Это хуже, чем рейтинг Ирана — страны, власти которой заключили в тюрьму больше журналистов, чем где-либо еще. Насколько представления о свободе прессы в России совпадают с реальностью? Россию критикуют по двум основным направлениям. Во-первых, крупнейшие телеканалы и газеты находятся под контролем олигархов, которые используют их для достижения личных политических и деловых целей, включая поддержку угонных им кандидатов. Во-вторых, журналисты, критикующие официальных лиц, подвергаются гонениям и запугиванию, особенно при президенте В. Путине.

В отношении форм собственности и тенденциозности политических комментариев Россия соответствует норме как развивающихся, так и развитых стран. Обзор положения с собственностью на СМИ в 97 странах, предпринятый в работе Джанкова, Маклиша, Ненова и Шлейфера (2003), показывает, что 92% крупнейших телевизионных и радиостанций и газет в этих странах находятся в собственности либо семей (читай: "магнатов") либо государства.

А как обстоит дело с гонениями на прессу? К сожалению, государственное вмешательство в работу прессы имеет место почти во всех странах со средним уровнем дохода, и даже в некоторых высокоразвитых странах. Что касается количества случаев государственной цензуры, заключения журналистов в тюрьму и репрессий против журналистов ("по закону") в расчете на одну ежедневную газету, мониторинг, проведенный в странах ОБСЕ Венским международным институтом прессы, выявил, что рейтинг России лишь немного ниже среднего. Россия находится по этому показателю между Литвой и Чехией.

Коррупция

Центр антикоррупционных исследований Transparency International, цель которого — борьба с коррупцией, составляет ежегодные индексы "восприятия коррупции" по странам, основанные на серии обследований предприятий. В индексе 2002 г. Россия находится на 71-м месте из 102 стран. Аналогичный комплексный рейтинг, составленный Всемирным банком, ставит Россию на 142-е место среди 160 стран.

А что говорят источники, в меньшей степени ориентированные

на восприятие посторонних? В 1999 г. Всемирный банк и ЕБРР провели опрос бизнес-менеджеров в 22 странах бывшего коммунистического блока. Они просили респондентов оценить долю ежегодных доходов, которую их предприятия тратили на подкуп государственных чиновников. Результаты опроса показывают, что Россия находится как раз посередине выборки по показателям "бремя взяток" и "захват государства".

В какой степени коррупция в России влияет на жизнь индивидов, в отличие от предприятий? В 1996-2000 гг. опрос городских жителей в ряде стран включал следующий вопрос: "Вымогали ли у вас или ожидали ли от вас, что вы дадите взятку за ту или иную услугу в течение последнего года в вашей стране?" Показатель России оказался на уровне среднего показателя включенных в исследование развивающихся стран со средним уровнем дохода. Процент опрошенных в России, заявивших, что за последний год у них требовали или от них ожидали взяток, оказался 16,6%, то есть ниже, чем в Аргентине, Бразилии, Румынии и Литве.

Продолжительность жизни и здоровье

Рост показателей смертности в России нередко рассматривается как доказательство неспособности государства в последние годы удовлетворить самые насущные нужды своих граждан. Средняя продолжительность жизни мужчин в России в период с 1990-го по 2001 г. сократилась с 63,8 до 58,6 лет. Средняя продолжительность жизни женщин изменилась меньше: с 74,2 до 72,1 лет. Однако средняя продолжительность жизни как мужчин, так и женщин оказалась на 3 года ниже, чем в среднем по странам со средним уровнем дохода.

Чем объясняется ухудшение данного показателя?

Можно сразу же отвергнуть некоторые заманчивые гипотезы. Рост смертности не явился результатом массового обнищания и недоедания в связи с падением уровня жизни в начале 1990-х гг. Не связан он и с ухудшением системы здравоохранения или экологией.

В начале 1990-х гг. определенную роль, возможно, сыграло увеличение потребления алкоголя. Это связано со стрессом переходного экономического периода, однако некоторые другие страны, пережившие подобный стресс, не испытали столь резкого увеличения смертности по этой причине. Злоупотребление алкоголем в известной степени можно объяснить резким снижением относительных цен на водку в начале 1990-х гг., в результате чего увеличились продажи водки. Второй резкий рост смертности произошел в конце 1990-х гг., что, по-видимому, связано с резким распространением ВИЧ-инфекции и туберкулеза. Наличие этих проблем может свидетельствовать о слабости профилактического здравоохранения, лечения наркомании и недостаточном внимании к борьбе со СПИДом. Распространение туберкулеза связывают с переполненностью тюрем в этот период (Гаврилова и др., 2002).

Выводы

К началу нового тысячелетия экономика России уже не страдает от дефицитов, милитаризованной экономикой и разлагающейся бюрократии, что имело место в 1990 г. Страна превратилась в рынок, на котором действуют в основном частные фирмы, производящие товары и услуги и ориентированные на потребителей, а не на плановиков. Огромные сырьевые ресурсы и несовершенная банковская система находятся под контролем горстки олигархов, которые проводят активную политику лоббирования своих интересов. Малые предприятия страдают от излишнего административного регулирования и коррупции. Однако экономика разви-

вается впечатляющими темпами. До неузнаваемости изменился и политический порядок в стране.

Что ждет Россию в будущем? Некоторые считают, что высокие темпы роста экономики за последние 4 года сохранятся и Россия вскоре может оказаться в категории бедных развитых стран, наряду с Венгрией и Польшей. При этом отмечается наличие в стране высокообразованного населения, реформированная налоговая система и в целом высокая степень открытости экономики. Другие исследователи считают, что рост серьезно тормозится сохраняющимся политическим влиянием крупных компаний и, соответственно, предубеждением против мелкого предпринимательства. Эта часть исследователей считает, что Россию ждет стагнация. На самом деле, как видно из опыта других стран, подобных России, может реализоваться и тот, и другой сценарий.

Представление о том, что Россия — нормальная страна со средним уровнем доходов, по-видимому, исключает крайние сценарии. Несмотря на то что российская демократия не является идеальной, вряд ли можно ожидать, что страна свернет с демократического пути. В России, по-видимому, покончено с плановой экономикой, так что она останется рыночной страной, хотя

и с несовершенными институтами и излишним государственным вмешательством. По-видимому, ее ждут финансовые кризисы, этнические конфликты, нарушения процедуры демократических выборов, хотя со временем эти явления будут происходить все реже.

Тот факт, что Россия — всего лишь нормальная страна, может разочаровать тех, кто надеялся на большее. Вряд ли это станет утешением для тех, у кого нет иного выбора, кроме как выносить неопределенность жизни, характерную для типичной демократической страны со средним уровнем дохода. Но сам факт, что Россия в основном освободилась от своего прошлого, что она больше не "империя зла", угрожающая и своему народу, и всему миру, — само по себе замечательное и достойное восхищения достижение.

Андрей Шлейфер — профессор Гарвардского университета, Даниел Трейсман — профессор Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе (UCLA). Более полная версия работы опубликована в журналах "Россия в глобальной политике" и "Foreign Affairs". В полном объеме работа выйдет в серии "Рабочие материалы" Московского центра Карнеги.

О "загадке" национальных счетов России

Christof Ruehl, Mark Schaffer

При взгляде на долю нефтяной и газовой отрасли в системе национальных счетов России обнаруживается любопытный факт. По официальной статистике, на эти два сектора приходится лишь около 9% ВВП. Если статистика верна, то откуда тогда озабоченность чрезмерной зависимостью национальной экономики от этих секторов? Ответ на этот вопрос содержит интересную информацию о структуре экономики и поведении предприятий в России, недавних рекордных показателях экономического роста и производительности труда в стране, а также о масштабах трансфертного ценообразования и ухода от налогообложения. Данная статья не имеет целью подвергнуть сомнению отчеты Госкомстата — ведь комитет работает с теми данными, которые ему предоставляют предприятия. Вопрос в том, почему российские предприятия дают искаженную информацию, а это уже относится к области экономики, нежели статистики.

Официальные данные о структуре ВВП России озадачивают. Статистика Госкомстата показывает, что экономика России является постиндустриальной: объем производства услуг (60%) превышает объем производства товаров (40%). Более того, в этой ориентированной на услуги экономике преобладают рыночные услуги (50%), значительно превосходящие сектор государственных (10%). Причем сектор рыночных услуг выглядит крайне высокопроизводительным по международным меркам, о чем можно судить на основании данных о занятости в этом секторе.

Из официальных отчетов совершенно неясно, почему многие наблюдатели озабочены зависимостью экономики страны от нефти и га-

за. Судя по той же статистике, доля нефтегазового сектора в ВВП составляет менее 9% в базовых ценах. Кроме того, на долю природных ресурсов приходится более 80% объема экспорта России, а доходы от экспорта только нефти и газа составляют примерно 20% ВВП.

Ответ на эти "загадки" дает учет трансфертного ценообразования: многие компании уходят от уплаты налогов путем продажи своей продукции аффилированным торговым компаниям по ценам ниже рыночных. Эти торговые компании ("пустышки" или "однодневки") затем перепродают продукцию конечному потребителю по рыночным ценам, складывая разницу себе в карман.

Многие российские предприятия пользуются услугами торговых компаний для сбыта своей продукции и ухода от налогообложения за счет трансфертного ценообразования. Например, предприятие учреждает торговую компанию в том или ином регионе с целью получения местной льготы по налогообложению, особенно в части местной доли налога на прибыль. Затем предприятие посредством механизма трансфертного ценообразования переводит часть добавленной стоимости из производственной дочерней компании в торговую дочернюю компанию: цены на продукцию производственной дочерней компании занижаются, а наценки и прибыль достаются торговой компании. Такой же метод могут применять предприятия тех секторов, где установлены специфические оборотные налоги, путем перевода части добавленной стоимости в свои торговые дочерние компании, если последние облагаются налогами по более низким ставкам. Незаконный, но распространённый вариант этой схемы состоит в учреждении ком-

паний-однодневок, исчезающих после расчетов с конечными потребителями.

Влияние такой практики на национальные счета просто и очевидно: часть добавленной стоимости переводится из сектора, где она произведена, в сектор торговли. В результате, согласно официальной статистике, почти треть ВВП и примерно половина всего объема прибыли в экономике произведены сектором торговли. Поистине прибыльный сектор! В то же время величина добавленной стоимости в промышленности, особенно в таких отраслях, как нефтяная и газовая, которые активно используют трансфертное ценообразование, оказывается недооцененной. Еще одним подтверждением масштабности данного явления является сравнение фонда заработной платы и объема прибыли в статистике национальных счетов. В торговле фонд зарплаты составляет лишь 8% от общей добавленной стоимости, а прибыль — почти 90%; в прочих секторах экономики размеры фонда заработной платы и прибыли примерно одинаковы.

Перерасчет структуры ВВП на основе таблиц Госкомстата "затраты - выпуск" с использованием данных о торговых наценках, применяемых в Великобритании и Нидерландах — странах с рыночной экономикой и высококачественной статистикой национальных счетов, дает более точную оценку создания добавленной стоимости в различных секторах.

Корректировка торговых надбавок дает следующие основные результаты:

- Самым крупным компонентом ВВП остается промышленное производство, а не производство услуг, как это следует из официальной статистики.
- Промышленное производство (включая сектор природных ресурсов) намного опережает остальные сектора российской экономики по производительности труда, причем производительность в нефтегазовом секторе, где занято менее одного процента рабочей силы, оказывается гораздо выше, чем в остальных секторах.
- После того как производительность труда вошла в фазу подъема после длительного экономического спада в России прирост производительности стал движущей силой прироста объема

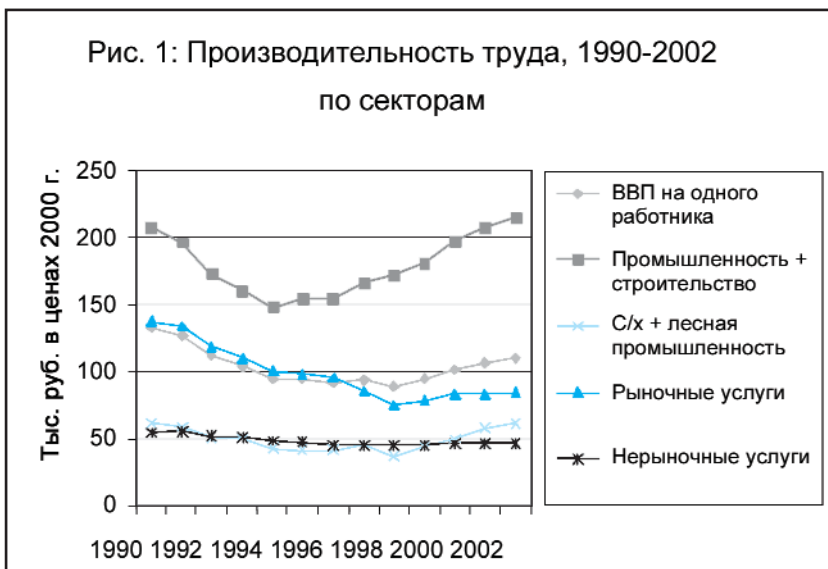

Рис. 2: Структура ВВП, 1990-2002 в базовых ценах 2000 г.

промышленного производства, а затем и экономики в целом; недавний прирост производительности труда в секторе услуг остается весьма ограниченным по сравнению с ростом производительности в промышленности, и это особенно верно в отношении крайне низкопроизводительного (но с недавних пор растущего) сектора нерыночных услуг.

- Восстановление промышленного производства — движущая сила экономического роста после кризиса 1998 г., причем в большей мере, чем перераспределение ресурсов в пользу рыночных услуг, и несмотря на рост относительных цен на услуги.

Таким образом, в системе национальных счетов структурный сдвиг в сторону сектора услуг преувеличен, а зависимость от природных ресурсов недооценена.

Выполненный пересчет позволяет сделать и другие выводы помимо заключения о том, что доля ВВП, формируемая в промышленности, и особенно в нефтегазовом секторе, превышает официальные данные национальных счетов России:

- Оказывается, что экономика России в большей мере уязвима перед колебаниями мировых цен на энергоносители, чем это можно предположить на основании официальных данных о ВВП.
- Трансферт добавленной стоимости происходит в очень больших масштабах. Поэтому право региональных властей снижать ставку налога на прибыль (с 1 января 2004 г. они могут снижать её только на 4 процентных пункта) в сочетании с продолжающейся практикой создания фирм-однодневок имеет очевидные бюджетные последствия.

Кристоф Рюль — главный экономист Представительства Всемирного банка в Российской Федерации, Марк Шаффер — директор Центра экономических реформ и преобразований в университете Хериот-Уотт в г. Эдинбурге. Статья основана на "Докладе об экономике России", который полностью опубликован на сайте Всемирного банка по адресу: www.worldbank.org/ru

Экономическое развитие России в 2003 году

В целом 2003 г. стал очередным благоприятным годом для российской экономики. Благодаря увеличению ВВП на 7,3%, совокупный реальный экономический рост после глубокого кризиса 1998 г. составил около 38%. Как и ожидалось, бурный рост оказался мощным оружием в борьбе с бедностью, и даже самые бедные слои населения стали ощущать его последствия. В результате официальные показатели бедности снизились с 27 до 22%, согласно данным на сентябрь 2003 г.

Управление макроэкономикой было в целом достаточно успешным: годовая инфляция осталась в пределах запланированного диапазона (12%), реальное повышение курса рубля относительно корзины валют основных торговых партнеров составило 4,1%, а значительный профицит федерального бюджета в размере 1,6% ВВП превысил запланированный показатель более чем в 2 раза. "Дело ЮКОСа" не привело к резкому и продолжительному бегству капитала. А самое главное — начался рост ранее чрезвычайно низких показателей объема внутренних инвестиций и капитальных расходов, и теперь экономический рост — хотя и медленно — распространяется на самые разные сектора экономики и регионы.

Тем не менее России необходимы еще более высокие темпы роста. Несмотря на экономический подъем 2003 г., 31,2 млн. людей по-прежнему остаются за официальной чертой бедности (2121 руб., или 74 долл. США в месяц), а фактический уровень безработицы даже повысился. При том что статистика говорит о сбалансированном росте с дальнейшими структурными сдвигами в сторону производства услуг, более глубокий анализ даже официальной отчетности показывает, что эти сдвиги во многом обусловлены повышением относительных цен на услуги, а также стопроцентной загрузкой про-

изводственных мощностей в промышленности — показателями, свидетельствующими скорее о сырьевой и экспортной зависимости экономики, чем об успешном осуществлении модернизации. Сектор нерыночных услуг продолжает расширяться, что, как правило, связано с увеличением фонда заработной платы в государственном секторе бедных регионов, которые таким образом пытаются компенсировать отсутствие системы социальных гарантий, а затем начинают требовать — и получают — федеральные трансферты для финансирования растущего фонда заработной платы.

Итак, это был удачный год, но после его завершения остались нерешенные проблемы, а также связанные с ними риски. Во-первых, экономический рост по-прежнему зависит главным образом от цен на углеводородное сырье. В 2003 г. цена на российскую нефть увеличилась на 15%, причем в первой половине года она росла быстрее. История показывает, что в отсутствие увеличения цен на нефть темпы роста в России практически никогда не превышали 5%. Во-вторых, существуют значительные задержки в осуществлении экономических реформ, намеченных в финансовом секторе, государственном управлении, реструктуризации естественных монополий, жилищно-коммунальном секторе, здравоохранения и образовании. Эти реформы, безусловно, сложны в техническом отношении и могут затронуть интересы влиятельных групп. Однако их проведение необходимо для сохранения дальнейших высоких темпов роста и снижения зависимости экономического роста от экспортных цен на углеводородное сырье.

Кристоф Рюль и Марк Шаффер

Оценка последствий налоговой реформы в России

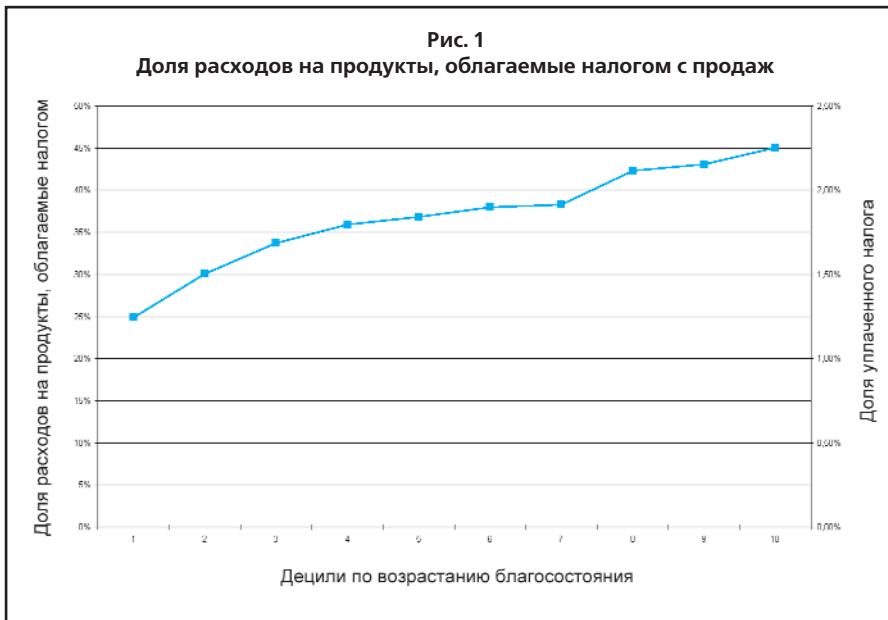
Н.А. Волчкова, Н.А. Турдыева, Ю.В. Халеева

С 1 января 2004 г. вступили в силу изменения в Налоговом кодексе Российской Федерации, коснувшиеся в первую очередь налога с продаж и налога на добавленную стоимость. Каких последствий следует ожидать российским потребителям? Как отреагируют производители на изменения налоговых ставок? Как повлияют изменения на уровень бедности в стране? Оценить эти последствия налоговой реформы можно с помощью модели общего экономического равновесия, интегрированной с микросимуляционным блоком.

С 1 января 2004 г. в России начался новый этап налоговой реформы: вступили в действие новые поправки в Налоговый кодекс страны, предусматривающие отмену налога с продаж и снижение налога на добавленную стоимость с 20 до 18%.

До введения этих поправок ставка налога с продаж устанавливалась законами субъектов Российской Федерации, она не могла превышать уровня 5% и не должна была меняться в зависимости от товара, покупателя или продавца. Налог с продаж уплачивался юридическими лицами и частными предпринимателями с полной стоимости реализованных товаров и услуг. При этом значительное количество социально значимых товаров и услуг было исключено из налогооблагаемой базы. К ним относились основные продукты питания, детская одежда и обувь, оплата жилищно-коммунальных услуг, услуги общественного транспорта и т. д. Таким образом, бремя оплаты основной части налога с продаж в большей степени ложилось на тех потребителей, в расходах которых такие товары и услуги составляли меньшую долю, то есть на группы населения

с более высоким уровнем дохода. Действительно, проведенный нами в рамках исследования анализ распределения налогового бремени по доходам домовладений до реформы позволил выявить прогрессивный характер данного налога: доля расходов, которая приходилась на облагаемые налогом товары и услуги, росла вместе с уровнем благосостояния (рис. 1).

Для оценки результатов налоговой реформы в данном исследовании используется новая для России методология оценки последствий макроэкономических реформ для микроэкономических агентов, предусматривающая интеграцию прикладной модели общего равновесия с методикой микросимуляций. Прикладная модель общего равновесия основывается на модели EcoMod 8, являющейся интеллектуальной собственностью EcoMod Network.

Прикладные модели общего равновесия представляют экономику страны в виде функциональных блоков (государственный и частный сектора, отрасли промышленности, внешний мир и т. д.), связанных между собой балансами спроса и предложения на всех рынках. В отличие от моделей частичного равновесия, такой подход к моделированию экономики позволяет проследить влияние реформы на изменение выпуска в различных отраслях промышленности, доходов государственного бюджета, торгового баланса, доходов домохозяйств, относительных цен и других показателей с учетом всех структурных связей. Данная методология исследования последствий макроэкономических реформ становится все более популярной в мире и часто служит отправной точкой для формирования предложений по мерам экономической политики во многих развитых и развивающихся странах. Обзор соответствующих работ, подтверждающих преимущества представления межотраслевых связей в рамках прикладной модели общего равновесия, можно найти в работе Де Мело и Тара (A General Equilibrium Analysis of US Foreign Trade Policy, The MIT Press: Massachusetts, 1992).

Исследование последствий налоговых изменений в рамках такой модели позволяет оценить последствия реформы для ценовых параметров экономики, выпуска отраслей промышленности, сельского хозяйства и сектора услуг, уровня общего потребления

в экономике и занятости. Однако прикладная модель общего равновесия не производит дезагрегацию потребителя, а предполагает существование одного репрезентативного потребителя в экономике и не рассматривает вопросы о последствиях реформы для потребления и доходов различных групп домохозяйств.

Для изучения и этих вопросов результаты работы модели общего равновесия были спроецированы на дезагрегированную структуру домохозяйств российской экономики, детальное представление о доходах, занятости и потреблении которых было почерпнуто из данных Российского мониторинга экономики и здоровья (РМЭЗ). Соответствующий микросимуляционный блок, позволяющий оценить изменения в распределении домохозяйств по доходам и структуре потребления, дополняющий описанную выше модель общего равновесия, является той базой, на основе которой можно дать ответы на вопросы о последствиях налоговой реформы для уровня бедности и изменения неравенства в доходах в российской экономике.

Основными источниками данных для исследования послужили система таблиц "затраты-выпуск" России за 2000 г., статистический сборник Госкомстата РФ "Национальные счета России в 1995-2002 гг.", использованные для построения матрицы социальных счетов для модели общего равновесия, и 9-й раунд РМЭЗ.

На данный момент в рамках исследования получены оценки последствий отмены налога с продаж, и продолжается работа над оценками последствий снижения налога на добавленную стоимость.

Согласно результатам, полученным при расчете модели общего равновесия, отмена 5-процентного налога с продаж приводит к достаточно сложному изменению структуры цен, выпусков и доходов в разных секторах экономики, суммировать которые можно следующим образом:

- уровень безработицы снижается на 1 %;
- происходит рост реальной отдачи на капитал;
- реальные доходы государства снижаются на 1,5 %;
- происходит рост благосостояния домохозяйств, оцениваемый ростом реального потребления товаров и услуг на 1 %.

Перераспределительный эффект, который мог бы быть вызван изменением сравнительных цен, в данном случае незначителен. Это объясняется тем, что сравнительные цены на продукцию, производимую различными секторами экономики, меняются несущественно, а доля уплаченного налога в общих расходах домохозяйств была и так невысока — от 1,25 до 2,25 % (рис. 1). Таким образом, никаких существенных изменений для уровня бедности и уровня неравенства в стране благодаря отмене налога с продаж ожидать не приходится.

Наталья Волčkова, Наталья Турдыева и Юлия Халева — экономисты ЦЭФИР. Исследование, послужившее основой для статьи, было выполнено совместно с А. Алексеевым, И. Денисовой и И. Левиной (все — ЦЭФИР) при поддержке Московского общественного научного фонда за счет средств, предоставленных Агентством США по международному развитию.

Российский мониторинг экономики и здоровья (РМЭЗ) представляет собой базу данных, которая содержит результаты опроса домохозяйств с 1994-го по 2002 г. (за исключением 1997 г. и 1999 г.). Опрос проводится университетом Северной Каролины (Чапел-Хилл) совместно с исследовательской компанией "Парагон", Институтом социологии РАН и другими организациями. Случайная выборка содержит адреса домохозяйств; в ходе каждого следующего раунда интервьюеры опрашивают семью, проживающую по адресу, попавшему в изначальную выборку, независимо от того, участвовала ли эта семья в предыдущем раунде. Часть вопросов, задаваемых в ходе интервью, касается каждого члена семьи в отдельности, а часть — деятельности всего домохозяйства, и в этом случае опрашивается член семьи, максимально осведомленный о тратах и здоровье родственников.

Экономическая часть базы данных содержит подробную информацию о структуре потребления домохозяйства: например, какие и сколько товаров и услуг было использовано в течение предыдущего месяца, из каких источников они были получены (в том числе учитываются продукты, произведенные внутри домохозяйства) и сколько денег было на них потрачено. База данных также содержит подробную информацию о занятости и доходах домохозяйства, причем учитываются все доходы, полученные его членами, с указанием источников. Изначально выборка содержала 4718 домохозяйств, из которых пригодными для анализа в 9-м раунде (2000 г.) оказались 3319 домохозяйств.

База данных РМЭЗ находится в открытом доступе по адресу <http://www.cpc.unc.edu/projects/rhms>.

Форум для дискуссии

Киотский протокол: взгляд сторонника ратификации

В.И. Данилов-Данильян

Пошел восьмой год после того, как на конференции сторон Рамочной конвенции ООН по изменению климата при активном участии России был принят Киотский протокол (КП). С тех пор более 120 стран мира ратифицировали протокол, две — США и Австралия — отказались от ратификации, и только Россия все размышляет: ратифицировать или нет?

Автор этих строк принадлежит к тем, у кого нет сомнений: ратификация Киотского протокола Россией необходима, причем по многим причинам. В данной статье я ограничусь анализом возражений против КП, которые часто встречаются в СМИ. На мой взгляд, критика КП не отличается системностью, а положения, выдвигаемые оппонентами, противоречивы. Я взял на себя труд извлечь из этих выступлений наиболее серьезные тезисы и проанализировать их. Название каждого из следующих разделов повторяет формулировку соответствующего тезиса.

Киотский протокол не имеет научного обоснования

Сначала надо определить, что понимается под научным обоснованием КП. В разных случаях научное обоснование или доказательство трактуются совершенно по-разному. Доказательств формального, логического типа относительно утверждений о климате получить нельзя, потому что климатическая система, как и все живые развивающиеся системы, не формализуема в принципе. Над уникальной системой невозможны и воспроизводимые, контролируемые эксперименты.

Нередко приходится слышать, что в науке вопросы не решаются голосованием. На самом деле именно это и происходит — до тех пор пока не появляются достоверные и принятые в науке способы обоснования утверждений. Однако голосует не парламент, не По-

литбюро, а научное сообщество. Такой случай мы имеем с глобальным климатом: подавляющее большинство климатологов мира голосуют за то, что происходящие сейчас климатические изменения имеют антропогенные причины, хотя и природные факторы тоже действуют. Еще в 1990 г. 49 нобелевских лауреатов и 700 других членов Академии наук США подписали обращение, в котором указывалось на существование "широкого консенсуса среди ученых относительно того, что усиление естественного парникового эффекта из-за антропогенных выбросов может вызвать сильнейшие изменения климата...". Вся новая климатологическая информация, полученная с тех пор, лишь укрепляет мировое научное сообщество в такой позиции.

Киотский протокол не учитывает прекращение роста эмиссии углекислого газа антропогенного характера

Это утверждение основано на прогнозах середины 1990-х гг., когда действительно предполагалось сокращение эмиссии с начала нового века. К сожалению, прогнозы не оправдались: рост антропогенных выбросов парниковых газов продолжается во всех группах стран, за редким исключением, и во всех секторах мирового хозяйства. Тревожит недооценка опасности такой тенденции, основанная на констатации того, что по объему антропогенная эмиссия уступает природной. Конечно, неантропогенные выбросы углекислого газа всегда имели место и очень велики, однако биота поглощала избыточное количество углекислоты. Рост концентрации наблюдался в периоды перестройки биоты, но всякий раз причины таких трансформаций не исчерпывали ее адаптационного потенциала.

Нынешняя биота суши (вместе с человеком, который является ее частью) выделяет углекислоты больше, чем поглощает, —

из-за гибели и трансформации наземных экосистем и сжигания огромного количества углеводородного топлива. Сейчас очевидно, что биота не справляется с современным ростом нагрузки.

Киотский протокол не универсален

Движение к любой цели начинается, как известно, не со ста процентов — начинать приходится с малого и неполного. Поэтому настаивать на том, что первое же соглашение в области климата, предполагающее взятие обязательств, должно быть универсальным, — по меньшей мере, наивно.

Если неуниверсальность КП связывают с тем, что не все ратифицирующие его страны берут на себя обязательства, то в этом виноват не КП, а система четкого разделения стран на развитые и развивающиеся, принятая в ООН. Можно спорить с правильностью определения состава развивающихся стран или правомерностью отнесения азиатских "тигров" или стран ОПЕК к развивающимся странам, но вряд ли решение этого вопроса следует связывать с ратификацией КП. Тем более вряд ли следует в принципе оспаривать декларированный во многих документах ООН "принцип общей, но дифференцированной ответственности" — это было бы воспринято как попытка разрушения с трудом найденного и неустойчивого, но все же существующего равновесия в современном мире.

Киотский протокол неприемлемо дорог. Совокупные издержки для мировой экономики в 2004—2100 гг. составили бы до 4,6% ВВП, для стран "Приложения Б" — 15,2% ВВП

Во-первых, нельзя считать ВВП до 2100 г. — это экономически бессмысленно, ведь "разрешающая способность" денежных измерителей не превышает 20 лет. Во-вторых, вряд ли можно считать издержки по реализации КП до 2100 г., поскольку срок действия протокола истекает в 2012 г. и до этого срока от России не потребуются практически никаких издержек. В-третьих, имеются и другие оценки. Например, почетный председатель ИРСС Б. Болин утверждает, что стабилизация уровня углекислого газа на уровне 550 ppm "уменьшит глобальный ВВП в 2050 г. на 1% или меньше (по сравнению со случаем без ограничений выбросов)". Но 1% — величина, уступающая точности оценки глобального ВВП даже для периода в 1 год!

Протокол налагает серьезные ограничения на экономический рост и обрекает Россию на сохранение бедности, слабости и отсталости

Утверждаю, что не существует ни одного грамотно подготовленного сценария развития российской экономики, по которому Киотские обязательства сдерживали бы это развитие. В 2012 г., до которого действуют соглашения Киотского протокола, максимально возможный суммарный выброс углекислого газа в атмосферу в пересчете на углерод в России не превысит базовый уровень 1990 г., согласно Энергетической стратегии Правительства РФ от 2003 г.

Опасения оппонентов основаны не на сценариях развития, а на простейших экстраполяциях траекторий экстенсивного роста. Но время экстенсивного роста, ориентация на который была характерна для советской экономики, ушло навсегда. Новое оборудование в сравнении со старым требует более низких затрат энергии на единицу выпуска — не меньше чем на 8-10%. А это значит, что рост в 8—10% на всех модернизируемых производствах возможен без увеличения энергопотребления. В мировой экономической науке существует очень важное понятие — каче-

ство экономического роста. Рост, который обеспечит устойчивость экономики, может быть только интенсивным, т. е. когда энергозатраты падают быстрее, чем происходит экономический рост.

При каких обстоятельствах Россия обречена на сохранение "бедности, слабости и отсталости"? Ответ прост: при попытках обеспечить дальнейший рост за счет экстенсивных факторов и при игнорировании тех тенденций мирового экономического развития, на усиление которых ориентирован КП.

КП дискриминационен по отношению к России по объемам и уровню эмиссий, по располагаемым финансовым ресурсам

1990 г. в качестве базового — оптимальный для России: именно тогда наши выбросы достигали максимума. Киотский протокол не ставит Россию в условия, когда она вынуждена тратить финансовые ресурсы для выполнения обязательств, если не считать организации систем контроля и учета выбросов парниковых газов — затраты в десятки доли процента расходной части госбюджета, кроме того, быстрокупаемые, как показывает зарубежный опыт. Тем более, что контролем и учетом Россия должна заниматься в соответствии с РКИК, ратифицированной еще в 1994 г.

Однако надо отметить, что если КП не вступит в силу, вместо него начнется разработка другого документа, и для России будет хуже, если при этом Европейский союз и США договорятся между собой без участия России. Россия утратит свой запас сокращения выбросов и вряд ли сможет договориться о приемлемых для себя условиях.

Киотский протокол предоставляет России роль не продавца, а покупателя квот на эмиссию

Повторю еще раз: во-первых, нет ни одного сценария экономического развития России до 2012 г., который показывал бы возможность превышения уровня 1990 г. по выбросам углекислого газа в течение этого периода, во-вторых, все обязательства по КП и заключенным в соответствии с ним соглашениям заканчиваются 2012 г. Россия может твердо рассчитывать на продажу квот в первом бюджетном периоде (2008-2012 гг.) и на инвестиции по проектам совместного осуществления.

КП является мощным инструментом в межгосударственной конкурентной борьбе

Да, является, и надо уметь участвовать в этой борьбе, иначе России никогда не удастся выбраться с обочины на дорогу. Надо пользоваться возможностями, которые предоставляет конкурентная борьба, и создавать новые, более благоприятные. Россия не должна оставаться вечно колеблющимся зрителем на соревнованиях других государств.

Протокол ведет к снижению цен на углеводороды — важнейшую статью российского экспорта

Во-первых, возможность снижения цен не относится к природному газу, цена на который будет испытывать "повышающее" давление протокола в силу его лучших экологических характеристик по сравнению с другими видами топлива. Поскольку газ составляет существенную часть российского экспорта, возможные потери от снижения цен на нефть могут быть меньше дополнительных доходов от повышения цен на газ.

Во-вторых, цена на нефть вряд ли зависит от ратификации КП Россией, ведь Европейский союз стремится выполнить свои обязательства по КП независимо от того, вступит протокол в действие

или нет. Стало быть, ратификация или отказ от нее в России могут существенно повлиять на "географию" распределения средств, затрачиваемых ЕС на выполнение своих обязательств, но не на спрос на нефть.

В-третьих, цена на нефть сильно зависит от политического фактора и действий главных игроков на нефтяном рынке — ОПЕК и США, которые будут поддерживать достаточно высокие цены на нефть, пока они будут от этого выигрывать.

Кроме того, долгосрочным целям России отнюдь не соответствуют интересы российских нефтяных компаний в том понимании, которое характерно для большинства олигархов. Можно указать немало позитивных следствий для экономики России от плавного снижения мировых цен на нефть.

По своим последствиям КП может оказаться подобен Монреальскому протоколу и борьбе со снижением уровня воды в Каспии

Климатические изменения, истощение озонового слоя, колебания уровня Каспия и подписание Монреальского протокола — это разные процессы как по природе, так и по участию в них человека.

Колебания уровня Каспия — естественный процесс, который происходит безотносительно к тому, что делает человек. Что касается Монреальского протокола, то он был направлен на прекращение производства и использования озоноразрушающих веществ, и все данные мониторинга за последние 3 года свидетельствуют о том, что ситуация с озоновыми дырами стабилизируется.

Климатические изменения, как признают подавляющее большинство климатологов мира и практически все экологи, происходит в существенной степени из-за антропогенных причин. Никто и не призывает в связи с этим вмешиваться в природные процессы — говорят о необходимости вмешаться в антропогенные причины.

Хотя изначально работа над Киотским протоколом была инициирована экологами, значение Киотского процесса отнюдь не сводится к природоохранной проблематике. Подготовка мировой экономики к неизбежной реструктуризации, действительно, очень важный аспект Киотского протокола. Для нас участие в процессе облегчит переход к новой экономической и технологической структуре. И главный для этой цели инструмент среди киотских механизмов — не продажа квот на выбросы парниковых газов, а проекты совместного осуществления, когда инвестор за средства, вложенные в меры по сокращению выбросов, получает это сокращение в зачет по своим обязательствам.

Но и в природоохранном аспекте значение КП не сводится к попыткам снизить риски, связанные с климатическими изменениями. Ориентация на экстенсивные факторы приводит к бесперспективной стратегии в охране окружающей среды: для этой цели нужны деньги, а для того чтобы были деньги, нужен рост. Но, опять-таки, все дело в качестве роста. Ущерб окружающей среде, наносимый прямолинейным экстенсивным ростом, намного превосходит обуславливаемое им приращение ВВП — все без исключения попытки учесть значимость природных факторов при оценке валовых макроэкономических показателей однозначно приводят к этому результату. Не сначала рост, а потом забота об окружающей среде, а рост только на основе природо- и ресурсосберегающих технологий!

Весьма значительны сопутствующие экологические выгоды КП, ведь всякое сокращение выбросов углекислого газа (неток-

сичного, как всем известно) обязательно сопровождается сокращением выбросов токсичных продуктов пиротехнологий — окислов азота, двуокиси серы, угарного газа, ароматических углеводородов, тяжелых металлов, вплоть до урана. А оборудование на многих наших предприятиях таково, что поллютантов (в расчете на единицу выпуска продукции) выбрасывается в 10-15 раз больше, чем в Европе. Реализация проектов совместного осуществления, несомненно, помогла бы снизить выбросы не только CO₂, но и сопутствующих загрязнителей. Население России, заболеваемость которого примерно на 30% обусловлена загрязнением окружающей среды, и природа от этого только выиграли бы. Другого способа существенно снизить выбросы токсикантов, кроме обновления оборудования и структурных сдвигов в экономике, не существует, а инвестиции для этих мер в России пока незаметны. КП такие возможности предоставляет, и нельзя ими не воспользоваться.

Реализация мер КП напрямую содействует не только сокращению выбросов поллютантов при сжигании углеводородного топлива, но и негативных воздействий на окружающую среду при его добыче и транспортировке. Ведь снижение энергоемкости производства — это снижение затрат на единицу продукции не только сжигаемого, но и добываемого топлива. Так что проекты совместного осуществления по КП — единственный видимый сейчас способ сокращения в России негативного воздействия на окружающую среду, производимого энергоемкими производствами и топливной промышленностью. Энергоемкость ВВП у нас в три раза выше, чем в Европейском союзе, а на долю холодного климата из этих 200% превышения при всем желании более 30% отнести нельзя. При нынешней технической отсталости российской экономики можно и должно обеспечить экономический рост при одно-временном снижении энергоемкости производства.

В заключение повторю, что вопросы, касающиеся уникальных развивающихся систем (биосферы с ее подсистемой — климатом, цивилизацией), над которыми невозможны воспроизводимые контролируемые эксперименты, фактически решаются голосованием. Статистика мнений здесь заменяет не только принципиально невозможные строгие доказательства и неосуществимые воспроизводимые эксперименты, но и работу избирательных комиссий. Однако участвуют в таких голосованиях лишь специалисты. Относительно климатических изменений и Киотского протокола мнение мировой научной общественности выражено достаточно четко. Научное сообщество выступает за Киотский протокол. Ему нужно доверять (это совсем не то же самое, что верить), оно не ошибается!

В.И. Данилов-Данильян — член-корр. РАН, директор Института водных проблем РАН

Тема ратификации Россией Киотского протокола, начатая в этом номере В.И. Даниловым-Данильяном, будет продолжена в последующих выпусках публикации статей других авторов.

Всемирный банк

www.worldbank.org

Serdar Yilmaz, Jean-Philippe Meloche, and Francois Vaillancourt **Decentralization or Fiscal Autonomy? What Does Really Matter? Effects on Growth and Public Sector Size in European Transition Countries**

Working Paper No. 3254, март 2004 г.

В работе рассматривается значение фискальной автономии при анализе процесса децентрализации. Отталкиваясь от новых данных, опубликованных ОЭСР (2001 г. и 2002 г.), авторы рассматривают ряд показателей и предлагают новые меры децентрализации, учитывающие фискальную самостоятельность региональных властей. Воспроизводятся две модели: Давуди и Зу (1998) по децентрализации и экономическому росту и Оутса (1985) по децентрализации и размеру государственного сектора экономики. Ряд данных свидетельствует о том, что фискальная автономия положительно влияет на экономический рост и, по-видимому, размер государства, но данных для окончательного вывода о последнем предположении недостаточно. Несмотря на ряд статистических недочетов, есть основания утверждать, что фискальная автономия регионов должна быть одним из главных факторов при оценке децентрализации.

Jeppé Ladekarl, Sara Zervos

Housekeeping and plumbing — the investability of emerging markets

WPS3229, март 2004 г., 35 стр.

Авторы рассматривают процесс распределения инвестиций портфельными инвесторами в развивающихся рынках и, в частности, процесс принятия решений. Во-первых, инвесторы намечают группу стран с инвестиционным потенциалом для дальнейшего более детального анализа. Во-вторых, они сопоставляют ожидаемую выгоду с возможными рисками и затем распределяют фонды. Автор выдвигает гипотезу о том, что выводы об инвестиционном потенциале той или иной страны зависят от ряда факторов, в частности, размера и качества "хозяйствования" (макроэкономической политики, политической, местных финансовых рынков, корпоративного управления и т. д.) и эффективности "коммуникаций" (юридической и нормативной базы, охраны собственности, безналичных и наличных расчетов, налогов и т. д.). Авторы с самого начала признают, что наибольшее влияние на потоки инвестиций оказывает улучшение или ухудшение макроэкономической политики. Однако для каждой макроэкономической ситуации возможен некий набор мер экономической политики, которые стимулируют привлечение иностранных инвестиций.

Jan Rutkowski

Firms, Jobs, and Employment in Moldova

Working Paper No. 3253, март 2004 г.

Несмотря на низкий официальный уровень безработицы, состояние рынка труда в Молдове неудовлетворительное. Данная работа рассматривает характеристики рынка труда в Молдове с упором на динамику развития фирм. Автор считает, что низкий уровень занятости в Молдове связан с медленным процессом возникновения новых фирм и недостаточным уровнем создания рабочих мест существующими фирмами. Количество закрывающихся

предприятий невелико и не может быть существенным фактором сокращения занятости. Единственная отрасль экономики, где создаются новые рабочие места, — это вновь создаваемые частные и малые предприятия. Однако в Молдове этот сектор значительно меньше, чем в наиболее успешных странах с переходной экономикой. Автор утверждает, что основной фактор медленного создания новых рабочих мест в Молдове — высокие издержки, связанные с ведением бизнеса в республике: значительные административные барьеры, постоянные проверки и связанные с ними выплаты, и, соответственно, коррупция. Приоритетная задача — создание новых рабочих мест посредством облегчения процедуры основания новых фирм и устранения препятствий на пути расширения существующих фирм. Еще одна приоритетная задача — достижение большей гибкости рынка труда. Учитывая неблагоприятный деловой климат, активные программы занятости могут быть эффективны только в случае их адресной ориентации на наиболее уязвимые группы занятых.

Cesar Calderon, Norman Loayza, Luis Servén

Greenfield foreign direct investment and mergers and acquisitions — feedback and macroeconomic effects

WPS3192, февраль 2004, 31 стр.

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в развивающиеся страны резко увеличились в 1990-х гг., превратившись в основной источник внешнего финансирования. Увеличение ПИИ сопровождалось значительными изменениями в их структуре: инвестиции в форме приобретения существующих активов (слияния и приобретения) росли гораздо быстрее, чем создание новых предприятий, особенно в странах, проводящих широкомасштабную приватизацию государственных предприятий. В связи с этим возникает два вопроса. Является ли бум слияний и приобретений одномоментным результатом приватизации или за ним последует поток инвестиций в создание новых предприятий? Во-вторых, отличаются ли эти два типа ПИИ с точки зрения макроэкономических причин и последствий для общего роста инвестиций и экономики? Используя ежегодные данные за период 1987—2001 гг. и большую выборку индустриальных и развивающихся стран, авторы приходят к заключению, что во всех случаях более высокий уровень слияний и приобретений предшествует увеличению инвестиций в создание новых предприятий, в то время как обратное характерно только для развивающихся стран. Как в развитых, так и развивающихся странах оба типа ПИИ предшествуют внутренним инвестициям, но не наоборот. Наконец, ни один из двух типов ПИИ не является причиной экономического роста в развивающихся или развитых странах, однако ускорение экономического роста позитивно сказывается на притоке иностранных инвестиций.

Peter F. Orazem, Milan Vodopivec

Do market pressures induce economic efficiency? The case of Slovenian manufacturing, 1994-2001

WPS 3189, январь 2004 г., 36 стр.

Переходный период в экономике Словении связан с медленной, но неуклонной либерализацией условий конкуренции. Используя уникальную базу данных о динамике развития промышленных

предприятий Словении в период с 1994-го по 2001 г., авторы прослеживают зависимость эффективности работы предприятий от изменений в уровне конкуренции при неизменных параметрах предприятий. Результаты показывают, что указанный период отмечен чрезвычайно быстрым ростом общего фактора производительности (TFP), по сравнению с другими странами ОЭСР, и что повышение эффективности фирм имеет место во всех отраслях и типах предприятий — больших и малых, государственных и частных, отечественных и иностранных. Изменения формы собственности фирмы не влияют на ее эффективность. Основной

фактор увеличения TFP — стимулирующее влияние конкуренции, в ходе которой отсеиваются неэффективные предприятия любой формы собственности и сохраняются наиболее эффективные, плюс появление новых частных фирм, столь же или более эффективных, чем существующие фирмы. Эффективности работы промышленных предприятий способствует также рыночная конкуренция со стороны вновь создаваемых предприятий, иностранных фирм и внешней торговли. Результаты исследования подтверждают, что рыночная конкуренция способствует повышению эффективности экономики.

Центр исследований в области экономической политики (CEPR)

www.cepr.org

John Bennett, Saul Estrin, James Maw and Giovanni Urga
Privatization Methods and Economic Growth in Transition Economies

DP4291, март 2004 г.

Используя метод динамических панельных данных, мы рассматриваем влияние различных методов приватизации, развития частного сектора и рынка капитала на экономический рост стран с переходной экономикой. Единственный метод приватизации, оказавший значительный позитивный эффект на экономический рост, — это массовая приватизация. Положительный эффект оказывает также и развитие финансового рынка. Анализ показывает, что в странах с неразвитым рынком капитала невозможно достигнуть оптимального распределения приватизированных предприятий среди эффективных владельцев. Этот вывод весьма важен для текущей политики в области приватизации в развивающихся странах.

Thomas Muller and Monika Schnitzer
Technology Transfer and Spillovers in International Joint Ventures

DP4099, октябрь 2003 г.

В работе рассматривается потенциальный побочный эффект от передачи технологии и его влияние на транснациональные предприятия и политику принимающей страны. В частности, рассматривается вопрос о том, как стимулы для обеих сторон могут контролироваться через структуру собственности в международном совместном предприятии. Вопреки существующему мнению, мы показываем, что побочный эффект не всегда оказывает негативное влияние на передачу технологии и может способствовать повышению эффективности. Более того, при некоторых обстоятельствах совместное предприятие является взаимовыгодным. Однако мы с удивлением обнаружили, что, несмотря на перспективу побочного эффекта от передачи, совместные предприятия не всегда соответствуют интересам принимающей страны.

Nauro F Campos and Yuko Kinoshita
Why Does FDI Go Where it Goes? New Evidence from the Transitional Economies

DP3984, июль 2003 г.

В работе рассматривается важность экономики от концентрации и наличия институтов по отношению к первоначальным условиям и существующим производственным факторам при определении объектов для осуществления иностранных инвестиций. Используя уникальную базу данных по 25 странам с переход-

ной экономикой за 1991—1998 гг., авторы делают вывод, что основные детерминанты — это институты, экономия от концентрации и открытость торговли. Обнаруживаются важные отличия между странами Восточной Европы и Балтии, с одной стороны, и бывшими республиками Советского Союза — с другой: в последней группе важную роль играют естественные природные ресурсы и инфраструктура, а экономия от концентрации важна только для первой группы.

Maria Ponomareva and Ekaterina Zhuravskaya
Federal Tax Arrears in Russia: Liquidity Problems, Federal Redistribution or Russian Resistance?

DP4267, февраль 2004 г.

Эмпирической проверке подвергаются три гипотезы относительно природы задолженности по уплате федеральных налогов в России во второй половине 1990-х гг. Задолженность по уплате налогов может быть результатом: 1) проблем ликвидности предприятий, 2) перераспределения субсидий федерального правительства, 3) нежелания региональных властей платить федеральные налоги. Значительная часть колебаний в размере задолженности по налогам связана с проблемой ликвидности. Сопротивление сбору федеральных налогов на региональном уровне также является важным фактором: для каждого данного уровня ликвидности задержки с выплатой федеральных налогов были выше в регионах, в которых губернаторы пользовались широкой общественной поддержкой, имели те или иные козыри в переговорах с "центром" и в которых губернаторы находились в политической оппозиции "центру". Мы не обнаружили соответствия между величиной задолженности по федеральным налогам и тезисом о том, что перераспределение осуществляется в пользу юрисдикции, где действующий глава администрации имеет сильного соперника. Вариации в официальных отсрочках уплаты налогов частично объясняются политикой перераспределения доходов федерального правительства, проводимой федеральным правительством.

Stijn Claessens, Ruben Lee, Josef Zechner
The Future of Stock Exchanges in European Union Accession Countries

Mai 2003 г.

Цель настоящей работы — определить будущее финансовых рынков в странах, вступающих в ЕС. Доклад рассматривает роль определяющих факторов финансовых рынков в указанных странах — макроэкономические переменные, финансовые реформы и другие страновые факторы. Далее анализируется эффективность

финансовых рынков в странах-кандидатах в свете миграции, описывается и анализируется влияние листинга корпораций стран-кандидатов на иностранных биржах в течение последнего десятилетия в сравнении с фирмами, акции которых торгуются только внутри страны, а также проводится анализ влияния фактора местной ликвидности. На основании анализа доклад рассматривает бу-

дущее местных бирж в странах-кандидатах ЕС, разбирает сделанную работу по структуре и эволюции торговых систем рынка ценных бумаг и дает обзор последних тенденций консолидации бирж в мире и связей между биржами в ЕС, что поможет дать представление о будущем финансовых рынков в новых странах-членах ЕС и подсказать возможные политические решения.

Институт переходных экономик Банка Финляндии (BOFIT)

www.bof.fi

Leena Kerkela

Distortion costs and effects of price liberalisation in Russian energy markets: A CGE analysis

BOFIT Discussion Papers No 2/2004

Российская экономика потребляет слишком много энергии и ресурсов. Эта ситуация возникла отчасти в связи с обилием источников энергии и льготами, предоставляемыми потребителям. Недавно принятые и предлагаемые законы, направленные на повышение эффективности ТЭК путем повышения внутренних цен на энергоносители, могут повлиять на уровень российского экспорта энергоносителей. В настоящей работе мы оцениваем издержки субсидируемой энергетической системы с точки зрения распределения ресурсов и затем переходим к анализу последних решений Государственной Думы о повышении тарифов на газ и электричество до уровня рыночных. В анализе используется модель межрегионального общего равновесия (GTAP), адаптированная к глобальным характеристикам политики субсидий и предлагаемым реформам. Предварительные результаты показывают, что в настоящее время субсидии изымают более 6% ВВП и ограничивают потенциальное конкурентное преимущество России в тор-

говле энергоносителями. Повышение тарифов на электричество на 6% и тарифов на газ на 10% способствует большей эффективности, уменьшая искажающую роль субсидий и переориентируя производство с внутреннего рынка на экспорт.

Michael Funke and Ralf Ruhwedel

Trade, product variety and welfare: A quantitative assessment for the transition economies in Central and Eastern Europe

BOFIT Discussion Papers No 17/2003

В работе оцениваются социальные выгоды от либерализации торговли в переходных экономиках стран Центральной и Восточной Европы по методике Ромера (1994 г.), который подчеркивал, что правильное моделирование влияния торговых ограничений на ассортимент доступных продуктов имеет решающее значение для измерения социальных последствий либерализации торговли. Эмпирическая часть работы основывается на прямых измерениях ассортимента продукции по пятизначному торговому коду. Хотя окончательные выводы делать еще рано, напрашивается вывод о том, что либерализация торговли имела положительные социальные последствия.

Всемирный Институт экономических исследований развивающихся стран (WIDER)

<http://www.wider.unu.edu/>

Inequality, Growth, and Poverty in an Era of Liberalization and Globalization

Под редакцией Giovanni Andrea Cornia, University of Florence
Март 2004 г.

На основе обширного обзора литературы по теме и экономического анализа индексов неравенства в книге дается первый систематический анализ динамики неравенства внутри стран за последние 20 лет. В 70% из 73 развитых, развивающихся и переходных стран, вошедших в исследование, неравенство увеличилось. В работе рассматриваются возможные причины резкого увеличения неравенства. Далее в книге делается первая попытка эмпирической оценки соотношения между политикой, направленной на либерализацию и глобализацию, и неравенством доходов.

Ownership and Governance of Enterprises: Recent Innovative Developments

Под редакцией Laixiang Sun
Сентябрь 2003 г.

Распространено мнение о том, что частные предприятия представляют собою высший тип предприятий. Но в действитель-

ности существует богатое разнообразие моделей собственности и управления. В книге рассматривается пять нестандартных форм собственности и управления, возникавших в промышленности во всех развитых странах. Рассматриваются два конкретных случая, свидетельствующие о существовании альтернативных путей ужесточения бюджетных ограничений для государственных предприятий. Рассматриваются основные факторы, обуславливающие такую динамику и возможные политические последствия для развивающихся стран и стран с переходной экономикой.

From Capital Surges to Drought: Seeking Stability for Emerging Economies

Под редакцией Ricardo French-Davis and Stephany Griffith-Jones

Октябрь 2003 г.

В книге рассматриваются новые тенденции в притоке капиталов на развивающиеся рынки, возникшие после азиатского кризиса, их определяющие факторы и политические последствия, а также объяснения причин снижения этих потоков в последние годы с упором на структурные и циклические факторы. Руководители

банков, представители регулирующих органов и ученые предлагают свои объяснения поведения различных игроков. Книга впервые подробно исследует, как такое поведение способствовало сокращению потоков капитала и его нестабильности. В книге даются рекомендации по действиям развивающихся стран в кризисных си-

туациях, мерам на национальном и международном уровне по ограждению страны-получателя от возможных последствий финансовой нестабильности в мире, механизмам по снижению нестабильности, а также стимулам для стран-доноров для увеличения потока инвестиций в развивающиеся страны.

Календарь событий

16th ABCDE Conference - Lessons of Experience

Вашингтон (США), 3-4 мая 2004 г.

Ежегодная конференция Всемирного банка по экономике развития (ABCDE) — одна из наиболее известных серий конференций по вопросам развития. Конференцию открывает президент Всемирного банка Джеймс Вулфенсон. С основными докладами выступают Франсуа Бургиньон и Нобелевский лауреат Вернон Смит. Среди докладчиков: Ричард Купер (Гарвардский университет), Густав Рейнис (Йельский университет), Сентхил Малленатан (MIT), Реми Прудом (Парижский университет) и Рикардо Файни (Римский университет). Информация о программе конференции и регистрации — на сайте: <http://econ.worldbank.org/abcde/>

WDI/CEPR Annual International Conference on Transition Economics

Ханой, Вьетнам, 27-30 мая 2004 г.

Конференция организована Институтом Вильяма Дэвидсона и Центром исследований в области экономической политики (CEPR). В этом году принимающей стороной будет Национальный центр социальных и гуманитарных наук Вьетнама и Программа развития ООН (UNDP). На форуме смогут встретиться, обменяться результатами исследований, завязать узы сотрудничества и завершить уже проводимые исследования ведущие экономисты и социологи, работающие в области переходной экономики и, более широко, по проблемам развития и институциональных реформ.

"Cross-Fertilization Between Economics and Psychology"

Society for the Advancement of Behavioral Economics (SABE)/International Association for Research in Economic Psychology (IAREP) 2004 Joint Meeting

Drexel University, Филадельфия, Пенсильвания, США, 15-18 июля 2004 г.

Присуждение Нобелевской премии по экономике за 2002 г. Даниелю Канеману и Вернону Смигу и медали "Джона Бейтса Кларка" за 2001 г. Метью Рабину дали толчок развитию экономической психологии, поведенческой экономике, экспериментальной экономике и теории игр. Ассоциации Европы и Северной Америки, в наибольшей степени заинтересованные в этих исследованиях, соберутся в Филадельфии в 2004 г., чтобы рассмотреть непрерывающийся поток новых исследований с точки зрения экономики и психологии. Дополнительная информация — на сайте: <http://www.usask.ca/economics/SABE>.

59th European Meeting of the Econometric Society, 19th Annual Congress of the European Economic Association

Мадрид, 20-24 августа 2004 г.

Во второй раз ежегодный конгресс Европейской экономической ассоциации и собрание Европейского эконометрического общества будут происходить параллельно в одном месте. Зарегистрировавшись в качестве участников конгресса или собрания, можно посещать заседания обеих конференций. Главными докладчиками на конференции будут: Ричард Бланделл (UCL), Бенгт Гольмстрём (MIT), Дейл Мортенсен (Северо-Западный университет), Ариель Рубинштейн (Университет Тель-Авива), Пол Милгром (Стэнфордский университет) и Франсуа Бургиньон (Всемирный банк). <http://www.gruponahise.com/eea-esem2004/>.

21st Annual Conference of the European Association of Law and Economics

Загреб, 23-25 сентября 2004 г.

Конференция организована Университетом Загреба. Темы конференции: экономика переходного периода и закон, европейское законодательство и экономика, интеллектуальная собственность и собственность, гражданские и уголовные правонарушения, контракты и контрактное законодательство, корпорации, судебные процессы и формирование юридических правил, общественное право и экономика. Дополнительная информация о конференции на сайте: <http://www.law.rug.ac.be/grond/EALE/Zagrebcall.pdf>

"Understanding the Neoliberal Years"

Association for social economics, Annual Meeting

Филадельфия, Пенсильвания, США, январь 2005 г.

За последнюю четверть века распространение нелиберальных идей способствовало укреплению доверия к рыночным механизмам и, напротив, снижению зависимости от нерыночных институтов. Основное внимание уделялось либерализации глобальных рынков. Однако нелиберальный проект проявил себя и в других областях. Ухудшение системы социального обеспечения, сокращение числа членов профсоюзов и усугубление неравенства могут быть связаны с широким принятием идеологии свободного рынка. Общей темой докладов на собрании 2005 г. будет попытка связать распространение нелиберализма, реакцию протеста против его распространения и социальную экономику. Дополнительная информация о конференции и предоставление работ — на сайте: <http://www.socialeconomics.org/callassa.htm>.

Подписка на "Transition"

Если Вы или Ваша организация хотите бесплатно получать печатную версию вестника "Transition", пожалуйста, заполните форму и отправьте ее нам по факсу или почте. Вы также можете написать нам на адрес электронной почты: editor@cefir.ru

Центр экономических и финансовых исследований и разработок (ЦЭФИР)
Нахимовский проспект 47, офис 720
117418 Москва
Россия
Факс: 095-105 5003

Имя	_____
Фамилия	_____
Организация	_____
Должность	_____
Почтовый адрес	_____
Город, область	_____
Почтовый индекс	_____
Телефон	_____
Факс	_____
E-mail	_____

Transition

Российское издание вестника "Transition" издается Центром экономических и финансовых исследований и разработок (ЦЭФИР) по инициативе Всемирного Банка и при содействии Стокгольмского института переходной экономики. Вестник выходит четыре раза в год.

ЦЭФИР

Нахимовский проспект 47, офис 720
Москва, 117418, Россия
Телефон: +7-095-105 5002
Факс: +7-095-105 5003
<http://www.cefir.ru>
Редактор: Ольга Мосина
Эл. почта: editor@cefir.ru

Всемирный банк

The World Bank
1818 H Street, N. W.
Washington D.C. 20433
Телефон: +1 202 477-1234
Факс: +1 202 477-6391
<http://www.worldbank.org>
Управляющий редактор: Борис Плескович
Главный редактор: Ричард Хиршлер
E-mail: rhirschler@worldbank.org
Выпускающий редактор: Дженнифер Вито
E-mail: jvito@worldbank.org

Стокгольмский институт переходной экономики (SITE)

Stockholm School of Economics
Box 6501, SE-113 83, Stockholm, Sweden
Tel. +46-8-736 9670
Fax: +46-8-316 422
<http://www.hhs.se/site>
Редактор: Анатолий Файкин
E-mail: Anatole.Faykin@hhs.se

Мнения, выраженные в вестнике "Transition", отражают точку зрения авторов и не должны рассматриваться как мнения ЦЭФИР, Всемирного банка, его Совета директоров или стран, которые представляют директора Всемирного банка. При использовании статей ссылка на вестник обязательна.